

УДК 811.511.143'373.2 + 94 (470.5)

О. В. Смирнов

Уральский федеральный университет
ovsmirnov@mail.ru

СУБСТРАТНАЯ МАНСИЙСКАЯ ТОПОНИМИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЫЛОГО ПРОЖИВАНИЯ МАНСИ

Ключевые слова: Средний Урал, субстратная мансийская топонимия, обские угры, ареал расселения манси, история мансийского языка, история Урала.

В статье обобщаются результаты исследований субстратной мансийской топонимии на территории бывшего проживания манси на основе материалов, накопленных после известных работ А. Каннисто первой половины XX в. По сравнению с А. Каннисто критически пересматривается ареал распространения субстратной мансийской топонимии на территории Среднего Урала и Предуралья. Наибольшее внимание уделяется западным границам этого ареала. На основе картографирования фактов, выявленных как при исследовании современной русской топонимии, так и найденных в исторических письменных источниках, обосновывается вывод о том, что заселение древними манси западных склонов Среднего Урала происходило с востока, оно было достаточно поздним и незначительным, при этом манси в Среднем Предуралье не продвигались западнее среднего течения левых притоков Камы. На основе анализа выявленных фактов субстратной мансийской топонимии на территории Среднего Урала характеризуются отдельные фонетические особенности местных древнемансийских диалектов.

© Смирнов О. В., 2012

Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12)

1. К истории изучения вопроса

По свидетельству ученых XIX в. (А. Регули, Б. Мункачи и др.) и по многочисленным более ранним письменным известиям, вогулы-манси в древности занимали более обширную территорию, нежели в настоящее время. Источники XVII–XVIII вв. рассказывают о вогульских поселениях значительно южнее и западнее районов современного проживания манси: на реках Тура, Тагил, Нейва, Чусовая, Сылва и даже еще южнее, на р. Бисертъ. Эти факты заставляют ученых обращаться к проблеме этногенеза манси и поиску мест их первоначального расселения. Большое значение для решения данной проблемы имеет изучение субстратной мансийской топонимии и выявление ее ареалов.

До настоящего времени актуальной остается работа А. Каннисто, вышедшая в 1927 г. в восемнадцатом номере журнала «Finnisch-ugrische Forschungen» [Kannisto, 1927]. В этой статье финский ученый приводит список из 262 предполагаемых субстратных мансийских топонимов и располагает их на карте (см. карту 1). По его мнению, зона расселения древних манси доходила на юге до басс. р. Уфа и Буй, на западе охватывала бассейн верхнего течения Камы, а на северо-западе достигала верховьев р. Пинега и Мезень; в Среднем Зауралье мансийским был практически весь басс. р. Тавда и Тура, за исключением их нижнего течения и басс. р. Пышма. В качестве основного критерия отнесения топонимов к мансийским А. Каннисто принимает исход *-я* (манс. *jā, jō, jē* ‘река’¹), в некоторых случаях в качестве критерия выступает также сопоставимость названий с нарицательными лексемами или топонимами, засвидетельствованными в живых мансийских диалектах.

Материал, собранный А. Каннисто, требует критического пересмотра. Во-первых, этот материал весьма ограничен по характеру источников (только топографические карты XIX–XX вв.) и недостаточности критериев (только названия рек на *-я*), поэтому в настоящее время он может быть значительно дополнен. Во-вторых, многие этимологии вызывают сомнение или просто неверны. Наиболее сомнительным является отнесение к мансийским большинства топонимов на *-я*, отмечаемых А. Каннисто к западу от Урала. Часть подобных топонимов ученый справедливо не включил в свой список в виду вероятности их русского или удмуртского происхождения. Однако из-за слабой изученности в начале XX в. топонимии Урала и Приуралья все многочисленные возможности появления исхода *-я* в приуральских топонимах не были учтены А. Каннисто. Так, например, А. С. Кривошекова-Гантман убедительно показывает, что конечное *-я* в ге-

¹ Лексические примеры мансийского языка даются по словарю Б. Мункачи и Б. Кальман [Munkácsi, Kálmán], при этом первая форма отражает северный диалект, сохранившийся до наших дней, далее приводятся наиболее важные формы этого слова, засвидетельствованные в несохранившихся диалектах — восточных, западных, южных.

ографических названиях Верхнего и Среднего Прикамья может восходить к перм. *ю* 'река' [Кривошекова-Гантман, 1983, 21] или являться отражением пермского суффикса прилагательных *-а*. В связи с этим большинство топонимов, отмеченных А. Каннисто в верхнем течении р. Кама и на прилегающих территориях как мансийские, в действительности являются пермскими и хорошо этимологизируются из пермских языков, ср.: р. *Бадья* от коми *бадь* 'ива' [КРС, 31], оз. и н. п. *Вадья* от коми *вад* 'озеро, заболоченное место' [Там же, 72]; р. *Вежья* от коми *веж* 'светлый' или *вежа* 'святой' [Там же, 83]; р. *Вирья* (совр. *Вырья*) от удм. *выр* 'возвышенность', коми *вӧр* 'лес' [Там же, 133]; р. *Кызья* от коми *кыдз* 'береза' [Там же, 349]; р. *Кирья* (совр. *Кырья*) от коми *кыр* 'обрыв, крутой берег', *кырья* 'обрывистый' [Там же, 358–359]; р. *Лемья* от коми *льӧм* 'черемуха' [Там же, 396]; р. *Тодья* от коми-зыр. *тод* 'болото, заросшее ельником' [Там же, 677]; р. *Урья* от коми *ур* 'белка' [Там же, 724]; и др. Исход *-я* может представлять собой также русское окончание женского рода, появившееся вследствие согласования со словом *река*, *речка*, ср. р. *Сая* от тюрк. *сай* 'овраг, сухое русло, река' [Радлов, IV, 1, 219–220]. В районе р. Буй гидронимы на *-я* (р. *Орья*, *Ошья*, *Шоля*) принадлежат к ареалу удмуртской топонимии на *-я*, которую сам А. Каннисто исключает из рассмотрения (в басс. р. Буй до настоящего времени есть удмуртские поселения). В результате — из нескольких десятков топонимов, приводимых А. Каннисто к западу от Урала, лишь единичные названия, не этимологизируемые из пермских и тюркских языков, можно рассматривать как потенциально мансийские (например, р. *Капья*, *Лупья*, *Пешья*, *Унья*). Однако, как известно, единичные топонимические факты не имеют доказательной силы. При этом нужно считаться с возможностью случайного формального совпадения отдельных топонимов с известными мансийскими лексемами. Источником этих названий мог быть и не мансийский язык, а какой-то другой древний угорский диалект, в том числе и неизвестный.

Изучение топонимических свидетельств былого проживания манси получило свое активное развитие во второй половине XX в. Основой этих исследований стали материалы, записанные непосредственно на местности из уст коренных жителей, а также письменные источники XVII–XVIII вв., в том числе неопубликованные. В 1960–1980-е гг. выходят работы Г. В. Глинских, Л. М. Майдановой, А. К. Матвеева, посвященные этой тематике.

Л. М. Майданова, развивая исследование уральской этнотопонимии, начатое А. Каннисто в упомянутом труде, очерчивает ареал распространения этнотопонимов, указывающих на присутствие в прошлом манси (этнотопонимы с основой «вогул» и топонимы с основой «шайтан») [Майданова, 1962]. Этот ареал концентрируется в районах, прилегающих к Среднему Уралу, и в основном совпадает с территорией расселения вогул, известной по сведениям XVII–XVIII вв.

Г. В. Глинских подробно описал мощный пласт субстратной мансийской топонимии в басс. р. Тавда [Глинских, 1972; 1978]. Здесь манси проживали

относительно недавно, их говоры на этой территории частично были записаны в XIX–XX вв. Процесс ассимиляции этих групп манси шел медленно и растянулся на несколько столетий, в результате чего мансийская по своему происхождению топонимия в басс. Тавды в современных русских говорах сохранилась очень хорошо среди речных гидронимов, лимнонимов и микротопонимов. Общее число субстратных мансийских названий в басс. Тавды, записанных Г. В. Глинских в ходе проведенных экспедиций и анализируемых им в своих работах, составляет более 1 000.

А. К. Матвеев в статьях, посвященных проблеме первоначального расселения угорских народов [Матвеев, 1968; 1982], обращается к вопросу поиска субстратной мансийской топонимии на территориях, где ассимиляция манси происходила раньше, чем в басс. Тавды, а именно к югу и западу от него. Он акцентирует внимание на необходимости выделения дифференцирующих древнемансийских топонимических формантов и приходит к выводу, что таким формантом не может быть исход *-я*, как предполагал А. Каннисто, в силу разнородности его генезиса. Наиболее убедительным древнемансийским формантом является исход *-тор* в названиях озер, ср. манс. *tūr, tor* ‘озеро’ [Munkácsi, Kálmán, 683]. Несколько подобных лимнонимов обнаруживается в басс. Южной Сосьвы (озера *Воленторское, Ёндорское, Елтиядор, Колтор*), однако южнее, в басс. Туры, и юго-западнее, в Среднем Предуралье, топонимов с этим ярким мансийским показателем пока не найдено. Среди орографических топоформантов, выделяемых на Среднем Урале, привлекает внимание исход *-нар* в названиях гор *Бунар* и *Качканар*, который можно сравнить с манс. *ńōr* ‘горный хребет, гора’ [Там же, 368], но основа этих топонимов остается неясной, к тому же название *Качканар* хорошо объясняется из тюркских языков [Матвеев, 1990, 164–165].

Исследуя топонимию басс. р. Чусовая, Е. Э. Иванова [1993] также не находит здесь какого-либо значительного мансийского топонимического пласта. К мансийским по происхождению она относит около десятка топонимов, часть из них с сомнением.

Указанные выше работы позволили сделать вывод о том, что в отличие от басс. р. Тавда на соседних западных и южных территориях ранней ассимиляции манси аналогичного по объему и убедительности пласта субстратной мансийской топонимии среди современных русских названий не обнаруживается. Топонимы с достаточно надежной мансийской этимологией на этих территориях являются единичными.

Частично наши знания о субстратной мансийской топонимии районов ранней ассимиляции манси (басс. р. Тура и Чусовая) дополняют письменные источники XVII–XVIII вв.: записи ученых и путешественников Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа, карты тех лет. В них автору статьи удалось обнаружить несколько десятков названий, записанных из уст местных вогул и не сохранившихся до наших дней [Смирнов, 1996; 1997; 2001].

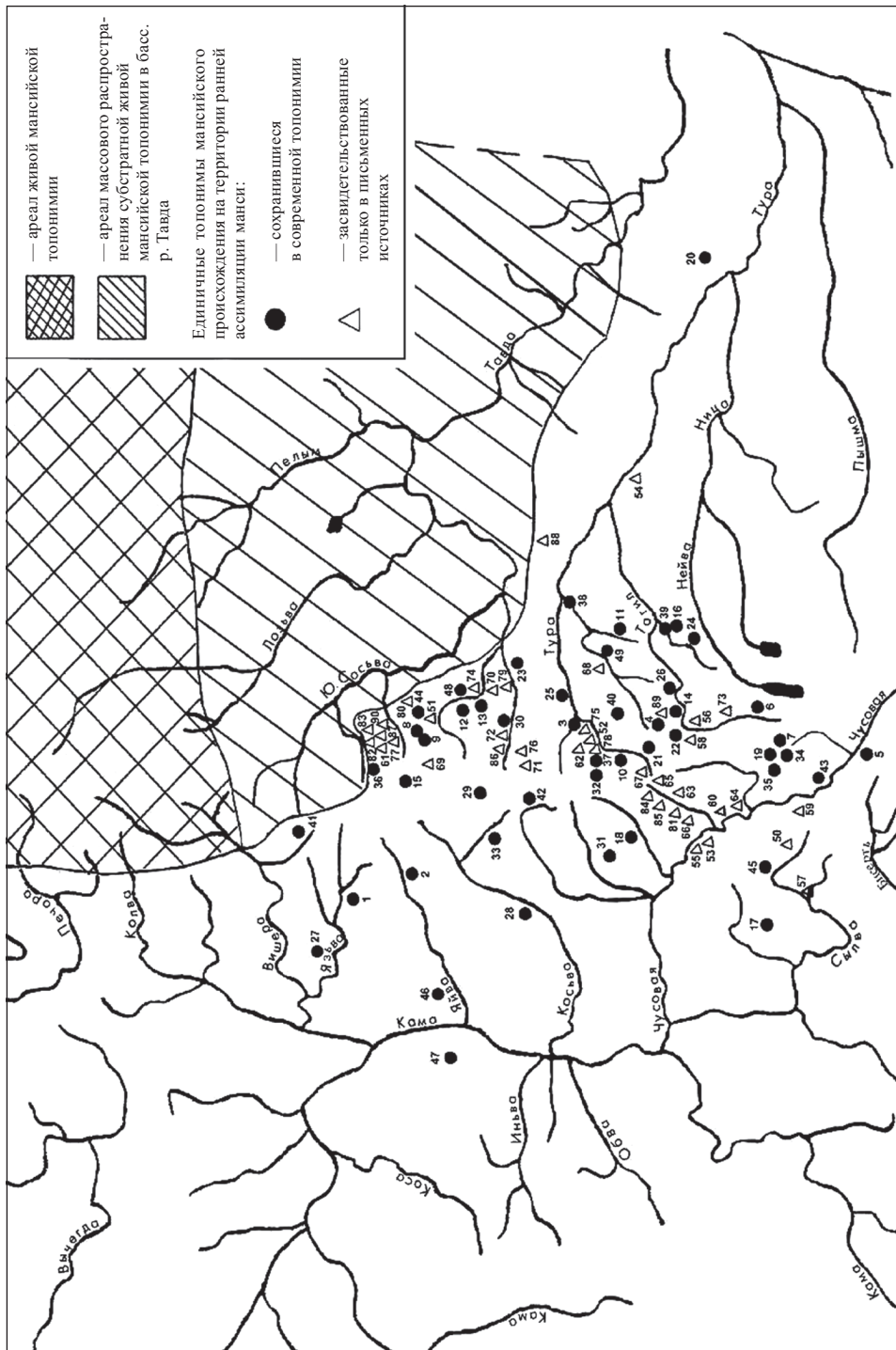
Все накопленные на сегодняшний день материалы позволяют разделить территорию, где обнаруживаются топонимические следы пребывания манси, на две зоны, существенно отличающиеся друг от друга по плотности мансийского субстрата, его характеру и отчасти диалектной принадлежности. Первая зона охватывает басс. р. Тавда. Это территория, на которой еще в XIX — начале XX в. проживали западные и южные группы манси, окончательно ассимилированные к середине XX в., диалекты которых дошли до нас в записях Б. Мункачи, А. Каннисто и других ученых. Вторая зона — к югу и юго-западу от этого района (главным образом на Среднем Урале, в верхнем течении р. Тура и Тагил и в среднем течении р. Чусовая), где манси были ассимилированы до начала XIX в. (см. карту 2).

2. Субстратная мансийская топонимия бассейна р. Тавда

Плотный ареал субстратной мансийской топонимии охватывает весь басс. р. Тавда с ее притоками Лозьвой, Вагилом, Пельмом, отчасти Южной Сосьвой, за исключением нижней части течения р. Тавда ниже города Тавды. Это достаточно молодой субстратный слой топонимов, поскольку еще в начале XX в. в этих районах А. Каннисто работал с относительно большим количеством неассимилированных манси, говоривших на западно- и южномансийских диалектах. По свидетельству А. К. Матвеева, к середине 1950-х гг. местные жители осознавали себя «вогулами», но уже практически полностью забыли мансийский язык, правда еще активно употребляли в своей речи мансийские топонимы и даже иногда «переводили» их и объясняли мотивировку. Наряду с субстратной мансийской топонимией в русских говорах басс. Тавды и Пельма сохранились многочисленные мансийские лексические заимствования [Матвеев, 1959]. Топонимические и лексические заимствования были усвоены русскими говорами этой территории как в результате длительных контактов русских переселенцев с аборигенами края, так и в результате сохранения языковых следов коренного народа в речи обрусевших потомков манси.

Субстратная мансийская топонимия басс. р. Тавда подробно описана в диссертации и в статьях Г. В. Глинских. Материал субстратной топонимии в басс. р. Тавда имеет принципиальное значение для поиска возможных мансийских топонимов на других территориях, претендующих на статус древнемансийских или прамансийских. Хронологически и территориально он наиболее близок к исчезнувшим древнемансийским диалектам. Выделение наиболее типичных по структуре, лексическому и морфемному составу субстратных мансийских топонимов в басс. р. Тавда формирует надежную сравнительную базу для дальнейших исследований. Поэтому мы охарактеризуем основные элементы этого топонимического массива.

Ареал субстратной мансийской топонимии басс. р. Тавда свидетельствует о имевшейся в прошлом лингвистической непрерывности мансийских говоров.

Карта 2. Былое расселение манси по данным топонимии

Южные говоры нижнего течения Тавды в древности не были изолированы от западномансийских говоров Пельма и восточномансийских говоров Конды и составляли вместе с ними непрерывный ареал мансийского заселения.

Мансийская по происхождению топонимия на данной территории широко представлена как среди гидронимов (названий рек и озер), так и в микротопонимии (названиях урочищ, частей реки, болот, незначительных элементов рельефа). По своей структуре субстратные топонимы, как правило, делятся на две составные части: основу (определяющую часть) и формант (географический термин), — например, р. *Енья* «большая река», оз. *Лахтур* «круглое озеро»². Зачастую они осложнены русскими словообразующими или формообразующими аффиксами *-а*, *-ы*, *-ка*, *-ск(ий)* и др., ср. ур. *Ерсава*, ур. *Воссаймы*, р. *Поговорка*, оз. *Анаторское*. Определяющая часть субстратного топонима может содержать рефлекс мансийского аффикса, например, р. *Нёльня* «мысовая речка», где *-ын-* отражает мансийский аффикс прилаг. *-η*. В значительной части субстратных мансийских топонимов определяемый географический термин (формант) отсутствует (эллиптирован), ср. оз. *Тумпа* «островное (озеро)», р. *Нюкса* «соболиная (речка)». При этом название часто состоит из основы существительного и словообразующего мансийского аффикса и в большинстве случаев осложнено русским суффиксом или окончанием, ср. р. *Ахинка* (*ах* + *ин* 'с протокой' + русский суффикс *-ка*), р. *Шольчина* (*шольч* + *ин* 'горностаевая' + русское окончание *-а*), ур. *Лёманова* (*лём* + *ан* 'черемуховая' + русский суффикс *-ова*). Однако ведущим типом субстратных мансийских топонимов являются двусоставные названия, состоящие из основы и географического термина. Вот основные мансийские географические термины, участвующие в виде формантов в образовании субстратной топонимии басс. р. Тавда³:

-ах/-ак 'протока' (р. *Кальчак* «березовая протока», ур. *Нерах* «болотная протока»);

-ван/ваня 'лесная возвышенность' (ур. *Турван* «озерная лесная возвышенность», ур. *Туесваня* «туесовая (туес — берестяной короб) возвышенность»);

-воль 'плесо' (ур. *Варволь* «лесное плесо», плесо *Кошаволь* «длинное плесо»);

-вор 'лес' (ур. *Порвор* «поперечный лес»);

-ер/-яр 'место, урочище' (д. *Кимьяр* «токовое место»);

² Перевод топонимов в басс. р. Тавда дается в соответствии с этимологией, представленной в Словаре субстратных мансийских топонимов басс. р. Тавды, который помещен в приложении к диссертации Г. В. Глинских [1972] и опубликован в сб. «Этимология русских диалектных слов» [Глинских, 1978].

³ В целях экономии места мы не приводим лексические соответствия данным формантам в засвидетельствованных мансийских диалектах, так как они подробно разбираются в указанных выше работах Г. В. Глинских. В скобках указаны примеры употребления формантов.

-картом 'волоок' (мыс *Оссекартом* «узкий волоок», ур. *Роськартам* «луговой волоок»);

-киляй/-тиляй 'болото' (бол. *Киляй*, бол. *Тиляй*);

-лок 'залив' (оз. *Тонголок* «моховый (болотистый) залив»);

-нёл 'мыс' (ур. *Варнёл* «лесистый мыс», ур. *Магланёл* «мыс в виде женской груди»);

-нава 'речка' (р. *Унже-Пава* «мостовая речка»);

-посол 'протока' (р. *Посол*, р. *Посолка*);

-сава 'перелесок' (ур. *Ерсава* «крайний перелесок», ур. *Онсава* «еловый перелесок»);

-сунт 'устье' (ур. *Колсунт* «устье с домом»);

-талк/-талък 'вершина реки', 'рассоха' (р. *Вичерталка* «водоворотная рассоха», р. *Покуतालка* «кедровая рассоха», р. *Шаиталька* «утиная рассоха»);

-туман 'проточное озеро' (оз. *Пельмский Туман*);

-тур/-тор 'озеро' (оз. *Анаторское* «еловое озеро», оз. *Аялтур* «первое озеро», оз. *Ванчентур* «травяное озеро», оз. *Кешантур* «камышинное озеро»);

-ур 'гора' (ур. *Помуры* «травяная гора», ур. *Салеур* «оленья гора»);

-урай 'старица' (оз. *Лёнгурай* «дорожная старица», оз. *Сосенурай* «старица с ручьем»);

-шош/-чёш/-чош 'ручей, речка' (р. *Енишош* «большой ручей», р. *Пакынишош* «широкий ручей», р. *Палямшош* «студеный ручей», р. *Чуньчёш* «богатая речка», р. *Елчош* «нижний ручей»), в некоторых случаях термин фиксируется в искаженном виде -ош/-уш/-ыш/-ша (р. *Ильюша* «ручей с сырыми деревьями», р. *Овруш*, руч. *Оврушовский* «быстрый ручей»);

-я 'река, речка' (р. *Агарья* «водоворотная речка», р. *Ибия* «речка филинов», р. *Лиганья* «беличья речка», р. *Рахтья* «глинистая речка» и мн. др.).

Следующие мансийские словообразовательные аффиксы чаще всего находят отражение в субстратных топонимах басс. р. Тавда:

-(V)н/-м — аффикс прилаг. -η (р. *Ахинка* «с протокой», р. *Евтынка* «луковая (самострельная)», р. *Ининья* «шиповниковая речка», мыс *Салтым* «лыковый», р. *Тальтымья* «пристаневая речка»);

-(V)n — аффикс прилаг. -р (р. *Кунтелепиош* «бобровый ручей», р. *Нихпоя* «лиственничная речка», р. *Панкып* «грязная», р. *Пылытья* «деревенская речка» и др.);

-ас/-ыс/-ч — собирательный аффикс сущ. -asi (ур. *Нюлас* «пихтовник», р. *Колысья* «речка с домами», р. *Кальчак* «березовая протока»).

Наиболее часто встречающиеся в басс. р. Тавда субстратные мансийские основы:

агар- 'водоворот' (р. *Агарья* / *Вагарья*, р. *Агра*₂, покос *Агрел*)⁴;

аль- 'верхний' (р. *Алька*, р. *Алья*₂);

⁴ Цифра в нижнем индексе справа от топонима указывает на количество его фиксаций.

- ах-* ‘протока’ (р. *Ахинка*₂, р. *Ахтальяка*);
воль- ‘плесо’ (р. *Волья*₃);
вор-/вар- ‘лес’ (р. *Ворья*₃, ур. *Варволь*);
оет-/воет-/воят- ‘заливной луг’ (мыс *Оет*, ур. *Оетá*, р. *Воетья*, мыс *Воят*);
еку-/ику- ‘женщина’ (р. *Екуя*, р. *Икутальяка*, р. *Икучёи*);
ен(и)-/яны- ‘большой’ (р. *Енишош*, р. *Енья*, оз. *Янытур*);
ин- ‘шиповник’ (р. *Ининья*, р. *Иння*, оз. *Интур*);
каль-/кыль- ‘береза’ (р. *Калинка*, р. *Калиншош*, ур. *Кальсава*, р. *Кальчак*₃, р. *Калья*₃, р. *Кылинья*, р. *Кылья*);
карат-/картым-/кыртом- 1) ‘волок’, 2) ‘утка-шилохвост’ (р. *Каратунка*₂, мыс *Картымван*, р. *Картымья*, р. *Кырымья*, н. п. *Кырымшошский*);
кель-/тель- ‘болото’ (бол. *Келинское*, р. *Келья*₂, бол. *Киляй*₃, р. *Теля*, ур. *Тилляй*);
кол- 1) ‘дом’, 2) ‘рыба’ (р. *Колмах*, оз. *Колтор*, оз. *Колонтур*, мыс *Колсунт*, р. *Колонга*, р. *Колымья*, р. *Колысья*₂, р. *Колье*);
кош(V)-/каш- ‘длинный’ (плесо *Кошаволь*, р. *Кашья*, руч. *Кошемок*);
кулах- ‘ворон’ (руч. *Кулах*, ур. *Кулах-Питим-Суй*, р. *Кулахья*, плесо *Кулх-Петин-Воль*);
кул- ‘рыба’ (р. *Кулинчёи*, р. *Кулышош*, р. *Кулья*);
лем-/лём- ‘черемуха’ (оз. *Лемантово*, ур. *Лёманова*, оз. *Лёмово*);
мас- ‘можжевелик’ (д. и ур. *Массава*₂, р. *Масся*);
нюрм- ‘луг’ (р., оз., мыс *Нюрма*₃);
овар-/овр- ‘крутой’ (р. *Оварья*₃, р. *Овришош*, р. *Оврыи*, руч. *Оврушовский*);
омп-/амп- ‘собака’ (оз. *Омпатурка*, р. *Омпшоулым* «проглотил собаку», оз. *Ампатур*);
оссе-/ось-/вос- ‘узкий’ (р. *Осья*, мыс *Оссекартом*, ур. *Воссаймы*);
поку-/пого-/пах- ‘кедр’ (р. *Покутальяка*₂, оз. *Поговор*, р. *Поговорка*, оз. *Пахтур*);
пон- ‘сеть, невод’ (р. *Понынья*₃);
попу-/попы-/пупы- ‘идол’ (р. *Попуя*₄, оз. *Попытор*, р. *Пупытья*);
пот-/пут- ‘котел’ (р. *Потом*, р. *Потишош*, р. *Путумка*);
поиш- ‘верша (вид ловушки)’ (р. *Пошемья*, р. *Пошевая*₂);
рось-/рас- ‘луг’, ‘песок’ (р. *Росья*₂, луг *Роськартам*, р. *Рассвета* «(речка с песчаным берегом»);
сале-/саль- ‘олень’ (ур. *Салеур*, р. *Салья*₂);
сальт-/салт- ‘лыко’ (д. *Сальта*, р. *Сальтынья*, р. *Сальтымшош*, мыс *Салтым*);
сам- ‘угол, край, местность’ (р. *Сама*₅);
суль-/соль- ‘глина’ (р. *Сулья*, р. *Солеья*, оз. *Солекаянтур* «глинистое озеро, где шаманят»);
суй-/сой- ‘бор’ (р. *Суйталка*, р. *Суепья*, р. *Соепья*);

талт-/талът- ‘пристань’ (р. *Талтымья*, р. *Тальта*, р. *Тальтия*);
тал- ‘хвоя’ (р. *Талымья*₂, р. *Тальма*);
тар- 1) ‘сосна’, 2) ‘журавль’, 3) ‘ерш’ (р. *Тарья*, оз. *Тартур*, р. *Тарынья*, р. *Таринка*);
тат- ‘кедр’ (р. *Татья*₂, р. *Татамшош*);
тул- ‘амбар (охотничий)’ (р. *Тулья*₂, р. *Туломья*, ур. *Тулукорп* «хвойный лес с амбаром»);
тумп-/тумб- ‘остров’ (ур. *Тумговор*, оз. *Тумба*, р. *Тумполька* «(речка) у конца (края) острова»);
тур- ‘озеро’ (р. *Турья*₃, ур. *Турван*, р. *Туралья* «озерная верхняя речка»);
уш-/ус- ‘нельма’ (р. *Ушья*₅, *Усья*);
уть- ‘вода’ (р. *Утья*₃ «непересыхающая речка»);
шев-/ши- ‘налим’ (р. *Шевья*₂, р. *Шинья*₂);
шемель- ‘черный’ (р. *Шемелья*₂, ур. *Шемель-Ваня*, р. *Шемельвыть* «(речка с черной водой»);
шиш-/чиш-/шеш- ‘спина’, ‘задний’ (оз. *Шиштур*, р. *Чишья*, оз. *Шешпальер*);
шоруп-/шарп- ‘лось’ (р. *Шорупья*, р. *Шарп*, р. *Шарпань*);
шош-/чёш-/чёч-/сос- ‘ручей’ (р. *Шошинье*, р. *Чёшья*, исток *Чёчешный*, оз. *Сосенурай*, ур. *Сосна*).

В субстратной топонимии басс. р. Тавда отразились многие фонетические особенности исчезнувших западно- и южномансийских диалектов. Например, наличие звука *š* (*š*) в соответствии с манс. сев. *s*, ср. *-шош* (*-чёш*) при манс. сев. *sōš* ‘ручей, речка’ [Munkácsi, Kálmán, 564], *шиш-* (*чиш-*) при манс. сев. *sīš* ‘спина’ [Там же, 551]. В некоторых случаях заметны диалектные различия в исходных мансийских говорах, ср. р. *Калья* «березовая река» в верхнем течении р. Пелым и р. *Кылья* с той же основой в низовьях Тавды, р. *Пупытья* «речка с идолами» в среднем течении р. Пелым и р. *Попуя* на Тавде, *-тур* ‘озеро’ на Пелыме и *-тор* в среднем течении Тавды и в басс. Южной Сосьвы, р. *Шорупья* в басс. Вагиля и р. *Шарп* и *Шарпань* в басс. Южной Сосьвы. Однако в целом топонимический материал демонстрирует высокую степень общности мансийских говоров от среднего течения Лозьвы и Пелыма до нижнего течения р. Тавда.

3. Субстратная мансийская топонимия на Среднем Урале и прилегающих территориях

По историческим данным, вогулы (манси) жили не только в басс. р. Тавда, но западнее — в районах, прилегающих к Среднему Уралу. В письменных свидетельствах XVIII в., в том числе в описаниях ученых и путешественников Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа, содержатся сведения о вогульских поселениях в верхнем течении р. Тура и Тагил, в среднем течении р. Чусовая, где еще проживали неассимилированные вогулы (манси). Есть списки слов мес-

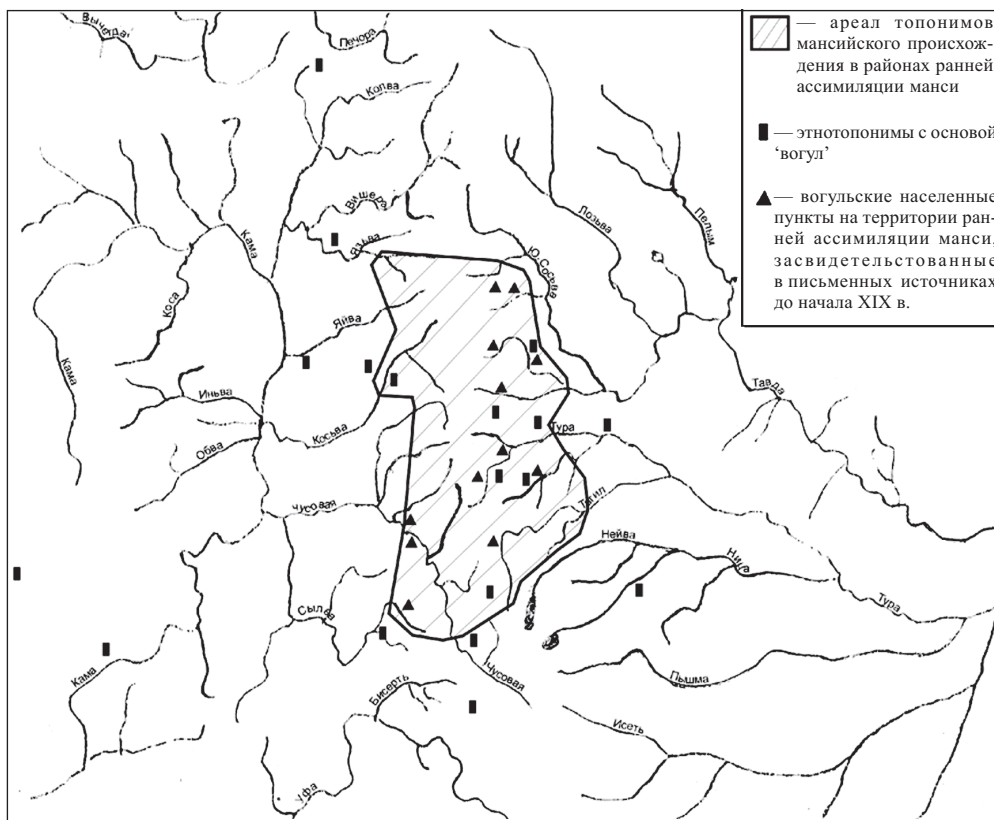
тных диалектов вогул, исследованные Я. Гуя [1963]. К середине XIX в., т. е. к началу систематического научного изучения мансийского языка и культуры венгерскими и финскими учеными (А. Регули, Б. Мункачи, А. Каннисто и др.), местные манси в верховьях Туры, Тагила и Южной Сосьвы уже полностью обрусели.

В этой связи естественным является поиск мансийских субстратных топонимов на указанных территориях, прилегающих к Среднему Уралу. Произведенный сбор и анализ географических названий к западу от басс. р. Тавда демонстрирует принципиально иной характер субстратной топонимии по сравнению с топонимией Тавды. Мы не обнаруживаем здесь большинства характерных мансийских топонимических формантов (*-нава, -носал, -сава, -ур, -туман* и др.). Основная часть нерусских по происхождению топонимов не находит соответствия в субстратной мансийской топонимии басс. Тавды и не этимологизируется из мансийского языка. Особенно показательны то, что субстратные названия на территории басс. р. Тура и на западных склонах Среднего Урала практически не представлены в микротопонимии. Также единичны факты мансийских лексических заимствований в местных русских говорах. Это свидетельствует о том, что вогульское население в этих районах было редким, а контакты с русскими переселенцами — поверхностными и кратковременными.

Проведенные исследования показали, что названия, которые с большой долей уверенности можно отнести к мансийским по происхождению, в русской топонимии в единичных случаях встречаются среди речных гидронимов и оронимов в басс. р. Тура (в ее верхнем течении), в среднем течении р. Чусовая, верхнем течении р. Сылва, Косьва и Яйва, т. е. на территориях, прилегающих к горной части Среднего Урала. Это как раз те территории, где до начала XIX в. (главным образом, в XVIII в.) были засвидетельствованы вогульские поселения и записаны отдельные лексические свидетельства местных диалектов вогул (манси). Эти территории мы условно называем территорией ранней ассимиляции манси, т. е. где манси исчезли до начала XIX в., в противовес территории басс. р. Тавда, где они существовали дольше, в некоторых местах до середины XX в., и где были научно описаны и подробно исследованы их диалекты.

Известные к настоящему времени топонимы мансийского происхождения на территории ранней ассимиляции манси нанесены на карту (см. карту 2). На отдельной карте также представлено соотношение ареала мансийских топонимов территории ранней ассимиляции манси, этнотопонимов с основой «вогул» и вогульских поселений (см. карту 3).

Составленный нами список топонимов мансийского происхождения (см. ниже) насчитывает 90 названий. Примерно половина из них фиксируется только в письменных источниках и в живой русской топонимии не сохранилась. В список включались топонимы, которые наиболее убедительно этимологизируются из мансийского языка. Одним из главных критериев включения в данный список

Карта 3

и картографирования является наличие типичных основ и формантов, находящихся параллели в субстратной мансийской топонимии басс. р. Тавда. К сожалению, ввиду того, что дифференцирующие мансийские топоформанты на данной территории (например, *-чош/-чаш/-шаш* или *-нёр/?-нар (-няр)*) представлены крайне скудно, мы не можем обойтись картографированием только этих топонимов, а вынуждены принимать во внимание и основы, которые соединяются с недифференцирующим формантом *-я* либо представлены вообще без топоформанта (в эллиптированном виде). При отнесении топонимов к мансийским по происхождению, кроме указанного выше критерия (наличие подобных названий в субстратной мансийской топонимии басс. Тавды), применялись также следующие критерии:

- неизолированность, т. е. наличие поблизости других названий вероятного мансийского происхождения;
- прозрачная семантическая мотивированность или наличие калькирования, подтверждаемость экстралингвистическими данными;

— фонетическая форма, не противоречащая фонетическим закономерностям, отраженным в свидетельствах языка местных манси (лексических списках местных диалектов вогул (манси) и записанных из их уст топонимов).

В связи с этим за пределами списка остался ряд топонимов, которые можно сопоставить с отдельными мансийскими словами, но мансийская этимология которых все же кажется весьма сомнительной, так как не удовлетворяет вышеприведенным критериям. Например, р. *Кашка* (в басс. р. Чусовая) сопоставляется Е. Э. Ивановой (Паклиной) с манс. *хоса* ‘длинный’, так как в западномансийских говорах это слово имело форму *коша*, *каша*. В то же время Г. Ф. Миллер приводит данные о том, что чусовские вогулы называли эту речку *Kasch jä* [ОГОС], а слово «длина», «длинный» у чусовских вогул записано в форме *куша* [ССВЯН, 1, 368], ср. р. *Кушва*⁺ (истор. *Кошья*⁺, *Кушья*⁺)⁵. Имеющиеся лексические и топонимические факты позволяют говорить о том, что гласный *õ* северных и западных мансийских диалектов соответствовал в верхотурских и чусовских говорах вогул *o* или *u*, но не *a*. В этой связи не исключено тюркское происхождение основы топонима *Кашка*, ср. тюрк. *каш* ‘холм, высокий берег, рубеж’ [Радлов, 2, 386]. Таким образом, мансийская этимология топонима *Кашка* в басс. р. Чусовая находит фонетические препятствия и альтернативные объяснения из соседних языков, поэтому он не включен в список. Не включены в список и другие топонимы, которые похожи на мансийские и, возможно, были заимствованы от местных манси, но основа которых из местных мансийских диалектов пока не проэтимологизирована или этимологизируется с большим сомнением, например г. *Качканар* (истор. также *Кискеняр*) [см.: Матвеев, 2000, 134] или несколько речек с названием *Вья* в верховьях рек Тура и Тагил. Последние названия с некоторым сомнением сопоставлялись А. К. Матвеевым с манс. *võj* ‘жир’ [Там же, 80], однако русский звук *ы* или *у* на месте манс. сев. *õ* в других случаях в мансийской топонимии Среднего Урала и лексических списках диалекта местных вогул не встречается, ему соответствует *o* либо еще чаще *a* (о фонетических соответствиях в местных вогульских диалектах сев.-манс. *õ* будет сказано ниже). В басс. р. Тавда мансийские топонимы с этой основой засвидетельствованы в форме *вой-* (ср. оз. *Воентур* и оз. *Воленторское*⁺), причем названия с этой основой на территории массовой мансийской топонимии в басс. р. Тавда встречаются не так часто, как в верховьях р. Тура и р. Тагил, где в компактном микроареале зафиксировано сразу четыре речки с названием *Вья*. Сомнительно также видеть в топонимах *Вья* отражение манс. *ũj*, *viij* ‘зверь’ [Munkácsi, Kálmán, 691], поскольку в топонимии басс. р. Тавда Г. В. Глинских не приводит названий с такой основой, т. е. она, по меньшей мере, была малоупотребительна в субстратной мансийской топонимии, кроме того, под ударе-

⁵ Знаком + для сравнения обозначены топонимы, включенные в список и помещенные на карту 2.

нием в русском топониме везде звук *ы*, а не *у*. Характер и частота употребления этого топонима указывают на то, что в его основе, скорее всего, отражен географический термин со значением 'речка', причем термин, видимо, по происхождению не мансийский⁶.

Помещая на карту только наиболее достоверные факты, в то же время не исключаем, что ряд топонимов из приведенного ниже списка могут все же оказаться немансийскими по происхождению и найти объяснение в других языках. В то же время список этот может быть со временем пополнен, если удастся выявить еще топонимы, достаточно надежно этимологизируемые из мансийского языка.

Субстратные мансийские топонимы, сохранившиеся в живой русской топонимии

1–2⁷. *Абия*, р., лев. пр. р. Яйва и лев. пр. р. Мель в басс. р. Язьва, ср. манс. *ōra* [Munkácsi, Kálmán, 388], чус. *aba* [СНТВУ] 'медведь', -я — манс. 'река'. «Медвежья речка».

3. *Актáй*, р. (истор. *Охтай*), прав. пр. р. Тура, ср. манс. *āχchet*, *ōkhet* 'протока, исток' [Munkácsi, Kálmán, 24], -ай считается переработкой конечного манс. -я 'река' [см.: Матвеев, 2000, 20].

4. *Бандея*, р., лев. пр. р. Лая в басс. р. Тагил, ср. манс. *pānt*, *pānte* 'шурин, дядя' [Munkácsi, Kálmán, 412]; -я — манс. 'речка'. «Речка шурин (дяди)». С точки зрения семантики ср. р. *Ванс-Сос* (басс. р. Лозьва) «ручей зятя» [Глинских, Матвеев, 1975, 12] и р. *Ансия* «речка младшего брата» в басс. р. Сев. Сосьва.

5. *Битимка*, р., прав. пр. р. Чусовая, ср. *pit'i* 'гнездо', *pit'iη* 'с гнездом', *pit'iη-jā* 'fluвname' [Munkácsi, Kálmán, 444], -ка — русский топоформант. Ср. также в басс. р. Тавда — р. *Питимка* [Remesov, 1958]. «Гнездовая (речка)». Начальное б- на месте п-, ср. *Бандея*⁺.

6. *Бунáр*, г. (истор. *Бынар*) в верховьях р. Тагил, ср. манс. *piγ*, *pū* [Munkácsi, Kálmán, 438], верхот. *пу* 'сын' [ССВЯН, 1, 14]. Формант -нар может соответствовать манс. *ńōr* 'гора, горный хребет' [Munkácsi, Kálmán, 368], учитывая регулярное соответствие *ā* в местных говорах манс. зап., вост. и сев. *ō* «сын-гора» или «гора сына». В топониме могут быть отражены религиозные воззрения манси, ср. г. *Старик-Камень* у А. К. Матвеева [1990, 171]. Аналогичный формант -нар 'гора', возможно, содержится также в названии г. *Качканар* (истор. *Кискеняр*), правда, основа этого оронима из мансийского языка не этимологизируется.

⁶ От сравнения с мансийским и — шире — обско-угорским словом со значением *ūj*, *vij* 'зверь' мы окончательно не отказываемся, учитывая историческую фиксацию некоторых из речек *Вья* в форме *Вуй*, *Вуя*. Тем не менее мансийское происхождение данного топонима остается сомнительным, и мы его пока не включаем в список.

⁷ Топонимы под соответствующим номером обозначены на карте 2.

7. **Бушаиш**, р., прав. пр. р. Сулем в басс. р. Чусовая, ср. г. *Бунар*⁺. Формант *-шаиш*, вероятно, отражает диалектный вариант манс. *sōs, šōš*, манс. тавд. *šaš* 'ручей' [Munkácsi, Kálmán, 564] и соответствует гидронимам на *-шош/-чөш/-чош* в басс. р. Тавда. «Ручей сына». Ср. р. *Канчаиш*⁺, р. *Соёрёнгучаиш*⁺.

8. **Волентурское**, оз. (истор. *Воймтор* [АВИ, л. 15]) в басс. р. Южная Сосьва, в озеро впадает речка Войм, ср. манс. *vōj* 'жир' [Munkácsi, Kálmán, 730] + суф. *-η* + манс. *tūr, tor* 'озеро' [Там же, 683], ср. в басс. р. Тавда — оз. *Воентур*⁸. «Жирное озеро», что можно проинтерпретировать как «богатое, обильное рыбой».

9. **Ёндорское**, оз. в басс. р. Южная Сосьва, ср. манс. *jā, jō* 'река, речка' [Munkácsi, Kálmán, 140], юж.-сосвь. *joe* 'река' [Helmersen, 1841, 75] + суф. *-η* + *tūr, tor* 'озеро' [Munkácsi, Kálmán, 683], ср. тавд. *jāηtō* 'озеро с истоком' [Там же, 141]. «Озеро с речкой (с истоком)». Из озера действительно выходит исток в р. Каква.

10. **Именняя**, р. (истор. *Имян* [АВИ, л. 15]), лев. пр. р. Тура, ср. манс. *jēt, jīt, īt* 'песок', *jēteη* 'песчаный' [Munkácsi, Kálmán, 153], ср. в басс. р. Тавда — р. *Емная* (истор. *Емья* [Remesov, 1958]). Формант *-я* 'речка' народно-этимологически преобразован в русское окончание прилаг. *-ая*. «Песчаная речка».

11. **Кáлма**, р., прав. пр. р. Пия в басс. р. Тура, ср. манс. *xāl, khōl, khäl* 'береза' [Munkácsi, Kálmán, 74], *-м-* является рефлексом мансийского суффикса прилаг. *-η, -а* — русское окончание. Ср. в басс. р. Тавда — р. *Калья*, р. *Калинка*. «Березовая (речка)». На одной из ранних карт эта речка названа *Березовкой*.

12. **Кампáл**, ур. возле д. Лопаево в басс. р. Южная Сосьва, другое название — *Болвашик*, ср. манс. *pāl* 'сторона, местность' [Munkácsi, Kálmán, 404]. Основа топонима сопоставляется с манс. *katp* 'возвышенность, холм' [Там же, 190] или манс. тавд. *khōt-pāleη* 'лесной дух, черт' [Там же, 122].

13. **Кáмчерка**, р., прав. пр. р. Мал. Коноплянка в басс. р. Южная Сосьва, ранее здесь были покосы жителей бывшей вогульской д. Лопаево, ср. манс. *kāmšer, kāmšer* 'горб' [Munkácsi, Kálmán, 190]. «Горбатая» (?). Возможно, «горбатый» было эвфемистическим названием медведя у местных манси, ср. р. *Абсиша*⁺ (истор. также *Горбатая*). Устье р. Камчерка находится рядом с ур. Медвежий Перебор на р. Лобве.

14. **Канчáиш**, руч. (истор. *Каньчаиш, Канчач*), лев. пр. р. Тагил, ср. манс. *kan, kán* [Munkácsi, Kálmán, 191], *kan* 'место, поле' [МРС, 33], ср. р. *Канья* «полевая речка» в басс. р. Тавда; формант *-чаиш* отражает диалектный вариант манс. *sōs, šōš*, манс. тавд. *šaš* 'ручей' [Munkácsi, Kálmán, 564], см. *Бушаиш*⁺, *Соёрёнгучаиш*⁺. «Полевой ручей». Ручей действительно протекает по полю вблизи деревни.

15. **Кóзмер**, г. (истор. *Казенер*) в басс. р. Южная Сосьва, ср. манс. *xosa, khāšä* 'длинный' [Munkácsi, Kálmán, 110] и манс. *ñōr* 'гора' [Там же, 368]. Начальное

⁸ Здесь и далее примеры субстратной мансийской топонимии в басс. р. Тавда взяты из указанных выше работ Г. В. Глинских.

к- и характер вокализма первого слога (звук *a* на старых картах) указывают на западномансийский диалект. В то же время звук *s* на месте манс. зап. *š* не находит удовлетворительного объяснения (возможно, он появился как отражение усвоения данного топонима через посредство носителей северных мансийских диалектов — манси-оленевонов, которые, по свидетельству местных жителей, до недавнего времени бывали в этих местах). «Длинная гора».

16. **Кульмка**, р., прав. пр. р. Салда в басс. р. Тагил, ср. манс. *xūl, khul* ‘рыба’ [Munkácsi, Kálmán, 117] + суф. -*η*, ср. р. *Кулья*, р. *Кульшош* в басс. р. Тавда. «Рыбная (речка)».

17. **Кумина**, р. (истор. *Куминая*), лев. пр. р. Асовка в басс. р. Сылва, ср. р. *Кумья* в басс. р. Тавда от манс. *хит, khum* ‘человек, мужчина’ [Munkácsi, Kálmán, 122], *хитиη* ‘заселенная (местность)’ [Там же, 124]. «Мужичья (речка)» или «заселенная (речка)».

18. **Кўсья**, р., прав. пр. р. Койва в басс. р. Чусовая, ср. манс. *хўс* ‘Schlangenwurz <белокрыльник, Calla L.>’ [Kannisto, 1927, 81] или манс. *хўс, khūs* ‘слуга’ [Munkácsi, Kálmán, 130], -*я* — манс. ‘река’. Вполне вероятно, что название может оказаться пермским, ср. коми-язьвин. *кўс* ‘сухой’ [Лыткин, 1961, 139].

19. **Кутья**, р. (истор. *Кутья*), лев. пр. р. Сулём в басс. р. Чусовая, ср. манс. *хот, khūt* ‘ель’ [Munkácsi, Kálmán, 115], ср. в басс. р. Тавда — р. *Коут*. Дифтонг *oi* мог стянуться в *ī* как на русской почве, так и в исходном мансийском диалекте, учитывая переход **ō* в *и* в местных мансийских говорах. «Еловая речка».

20. **Кучаж**, р., лев. пр. р. Тегень в басс. р. Тура, ср. манс. *kaw, kew*, манс. тавд. *kū* ‘камень’ [Munkácsi, Kálmán, 202], ср. *Амцук ку⁺, Куунгчас⁺, Сойрэнгучаи⁺*; формант -*чаж*, по всей видимости, является искажением (возможно, картографическим) форманта -*чаи* ‘ручей’, ср. *Канчаи, Сойрэнгучаи*. «Каменный ручей».

21. **Кўшва**, р. (истор. *Кошия, Кушья*), прав. пр. р. Тура. Учитывая, что в наиболее ранних источниках это название фиксируется с мансийским формантом -*я* ‘река’, можно предположить, что конечное -*ва* добавлено позднее вследствие коми влияния и усвоение через коми посредство и по народной этимологии сближено с коми *куш* ‘голый’. Ср. манс. *xosa, khwāšä*, манс. тавд. *khušo* ‘длинный’ [Munkácsi, Kálmán, 110], чус. *куша*, верхот. *кош* ‘длина’ [ССВЯН, 1, 368], ср. в басс. р. Тавда — плёсо *Кошаволь*, руч. *Кошенок*. «Длинная речка». В современной русской топонимии верхнее течение р. Тура выше Кушвы называют *Долгая Тура*, что может являться калькой мансийского топонима.

22. **Ляя**, р., лев. пр. р. Тагил, ср. манс. *laj, läi* ‘маленький’ [Munkácsi, Kálmán, 246], -*я* — манс. ‘речка’. «Маленькая речка».

23. **Локса**, р., прав. пр. р. Ляля, ср. манс. *lāxs, lōxs* ‘гриб’ [Munkácsi, Kálmán, 246]. «Грибная (речка)».

24. **Нéлоба**, р., прав. пр. р. Салда в басс. р. Тагил, ср. манс. *hol* ‘мыс’ [Munkácsi, Kálmán, 365] + мансийский отыменной суффикс прилаг. -(*V*)*p*. «Мысовая (речка)». См.: [Матвеев, 2008, 188].

25. **Нерóмка**, р. (истор. *Неронка*), лев. пр. р. Тура, ср. манс. *n̄ār, n̄ār, n̄ēr* ‘болото’ [Munkácsi, Kálmán, 355]; -омк (-онк) является рефлексом мансийского суффикса прилаг. -η. Ср. в басс. р. Тавда — мыс *Нерах*, оз. *Нертур*. «Болотная (речка)».

26. **Ны́рья**, р., лев. пр. р. Тагил, ср. праманс. **n̄r* [Honti, 1982, 167], манс. диал. *n̄r* ‘кедровый орех’ [Munkácsi, Kálmán, 343]. Вокализм основы топонима близок к праманс. **r̄*. Ср. в басс. р. Тавда — р. *Нырья*. «Кедровая речка». В окрестностях этой речки в прошлом, по сообщению местных жителей, действительно были кедровые леса, одни из самых южных на Урале.

27. **Нырья**, р., прав. пр. р. Язьва. Ср. *Нырья*⁺ выше. Однако ввиду локализации в районе исторически плотного коми населения нельзя исключить происхождение от коми антропонима *Ныр*, ср. пос. *Ныроб* [Кривошекова-Гантман, 1983, 126].

28. **Няр**, р. (истор. *Нюр*), прав. пр. р. Косьва, ср. манс. *n̄ār* ‘болото’ [Munkácsi, Kálmán, 355]. Исторически засвидетельствованная форма топонима р. *Нюр* — из пермских языков, ср. коми *нюр* ‘болото’. Вероятно, мансийское название является калькой. На некоторых картах XVIII в. реки Нюр и Няр располагаются рядом.

29. **Павдинский Камень**, г., и **Павд́а**, р. (истор. г. *Pauto nior* [Миллер — РГАДА, ф. 199, п. 511, ч. 1, д. 10, л. 28]). Основу топонима А. К. Матвеев сопоставляет с манс. *pūt* ‘котел’ [Матвеев, 2000, 203] + манс. *n̄r* ‘гора’ [Munkácsi, Kálmán, 368], ср. г. *Пут-Гумп* на Северном Урале [Матвеев, 1990, 140].

30. **Парча́**, р., лев. пр. р. Ляля в басс. р. Южная Сосьва, ср. манс. *pors, parš* ‘грязь’ [Munkácsi, Kálmán, 457]. «Грязная (речка)».

31. **Пашия**, р., прав. пр. р. Вижай в басс. р. Чусовая, ср. манс. сев. *pōs* ‘жертва’ [Munkácsi, Kálmán, 463], где сочетание -аш соответствует мансийскому северному сочетанию звуков -ōs, ср. -*чаш/-шаш* в соответствии с манс. сев. *sōs*. Конечное -я — манс. ‘река, речка’. «Жертвенная речка». В пользу этой этимологии то, что р. *Вижай* (*Вежай*), в которую впадает р. Пашия, можно перевести из коми языков как «священная река» [Кривошекова-Гантман, 1983, 73]. Ср. также р. *Пашья*⁺ (*Paschja*⁺).

32. **Покáп**, р., лев. пр. р. Ис в басс. р. Тура., ср. манс. *pākw, pōkw* ‘кедровая шишка’ [Munkácsi, Kálmán, 403], ср. в басс. р. Тавда — оз. *Поговор*, р. *Покутальяка*; -ап — мансийский суффикс отыменного прилагательного. «(Речка) с кедровыми шишками». По берегам реки раньше действительно росли хорошие кедровники.

33. **Пб́лькас**, р., лев. пр. р. Кырья в басс. р. Косьва, ср. манс. *pol’xes* ‘сапог’ [Munkácsi, Kálmán, 452]. В основе названия, возможно, лежит мансийский антропоним.

34. **Расья**, р., прав. пр. р. Сулём в басс. р. Чусовая, ср. манс. *rōs* ‘песчаный берег, луг’ [Munkácsi, Kálmán, 504], -я — манс. ‘река’, ср. р. *Росья*, р. *Рассвета* в басс. р. Тавда. Это название может быть и пермским, ср. коми-зыр. *рас* ‘роща’, р. *Расью* [Афанасьев, 1996, 131].

35. **Сакай**, р. (истор. *Сакалья*), лев. пр. р. Сулём в басс. р. Чусовая, ср. манс. *śaxl* 'копна, кустарник' [Munkácsi, Kálmán, 1986, 583], *сяхыл* 'холм, гора' [Матвеев, 1990, 119], манс. *sakw* 'холм' [Steinitz, 1955, 279]. «Горная речка» (?).

36. **Сáлья**, р., лев. пр. р. Турья в басс. р. Южная Сосьва, ср. манс. *sāli* 'олень' [Munkácsi, Kálmán, 520] + *-я* 'речка', ср. в басс. р. Тавда — р. *Салья*. «Оленья речка». Рядом находятся речки *Оленьи*, впадающие в р. Вагран и р. Ольва, что может указывать на метонимическую кальку.

37. **Сякся́м**, р. (истор. *Саксам*), лев. пр. р. Ис в басс. р. Тура, ср. *sām*, *sām* 'угол, местность' [Munkácsi, Kálmán, 524], ср. в басс. р. Тавда — р. *Сама* (пять речек). Основу топонима можно сравнить: 1) с манс. *sakw* 'холм' [Steinitz, 1955, 279]; 2) манс. *sak*, *säk* 'жемчужина' [Munkácsi, Kálmán, 517], что лучше подходит фонетически, но хуже семантически. «(Речка) холмистой местности» или (?) «жемчужная (речка)».

38–39. **Салда́**, р., прав. пр. р. Тура и прав. пр. р. Тагил, ср. манс. *sāl't* 'лыко' [Munkácsi, Kálmán, 521], ср. в басс. р. Тавда — д. *Сальта*, р. *Сальтынья*, р. *Сальтымшош*, мыс *Салтым*. «Лыковая (липовая) (река)». См. также: [Матвеев, 2000, 239–240].

40. **Сорья́**, р. (истор. *Сорье*), прав. пр. р. Айва в басс. р. Тура, ср. манс. *sori* 'небольшое болото, узкая полоса суши между болотами' [Honti, 1982, 185], ср. в басс. р. Тавда — р. *Сарьянка*; *-я/-е* — манс. 'речка'. Речка вытекает из болота, которое местные жители в старину называли *Вербное Озеро*. «Болотная речка».

41–43. **Сурья́**, р., прав. пр. р. Улс в басс. р. Вишера; прав. пр. р. Усьва в басс. р. Чусовая и прав. пр. р. Чусовая, ср. манс. *sir*, манс. тавд. *sur* 'песок' [Munkácsi, Kálmán, 550]. Ср. в басс. р. Тавда — р. *Сурья*. «Песчаная речка».

44. **Тóта**, р. (истор. *Тот*, *Горновая*), лев. пр. р. Каква, ср. манс. *toāt* 'огонь' [Munkácsi, Kálmán, 665], манс. *tāt-axetas* 'огниво, горновой камень' [Матвеев, 2000, 280]. «Горновая (речка)».

45. **Унь**, р. (истор. *Унья*) в басс. р. Сылва, ср. р. *Унья* (манс. *Овынг-я*) в верхнем течении р. Пелым, манс. *owəŋ*, манс. тавд. *йиη* 'быстрый' [Munkácsi, Kálmán, 564]. «Быстрая (речка)». Ср. *Ауун-* в топониме *Ауун-йилга*⁹.

46–47. **Унь-**, основа в двух коми топонимах *Уньва* — р., прав. пр. р. Яйва и лев. пр. р. Полуденный Кондас; ср. *Унь* выше. В устье р. Уньва на р. Яйва расположена д. Вогулка.

48. **Шблемка**, р., лев. пр. р. Лобва чуть выше бывшей вогульской д. Лопаво, ср. манс. *sol'*, *śāl'* 'заостренная палка' [Munkácsi, Kálmán, 557] (обычно служили для различных хозяйственных целей, например вяления рыбы)⁹, *-мк-* от-

⁹ Ср.: *шоль* 'жердь, палка, прут, вертел (длинный тонкий и острый)' — мансийское заимствование в русских говорах Северного Урала (Гаринский, Таборинский р-ны Свердловской обл.) [Матвеев, 1959, 78].

ражает адаптацию мансийского суффикса *-η* (?) «(Речка) с палками» (т. е. там, где брали материал для изготовления заостренных палок для вяления рыбы и других хозяйственных нужд). В пользу этимологии то, что речка вытекает из Вогульского болота по соседству с деревней и местные жители отмечают, что по ее берегам обильно растут различные кустарники и деревья. (Этимология предложена Т. Н. Дмитриевой.)

49. **Юря** (карт. *Юрья*), р., прав. пр. р. Салда в басс. р. Тура, ср. манс. *jir, jur* ‘кровавая жертва’ + *-я* ‘речка’. «Жертвенная речка». Интересен факт, что земли по этой речке в старину были отданы монастырю, а как известно, бывшие «священные» языческие места часто отдавали под нужды церкви.

**Мансийские топонимы, этимологизируемые из мансийского языка,
засвидетельствованные в письменных источниках,
но не сохранившиеся в современной русской топонимии**

50. **Абасс е(я)** (*Abass jä*), р. [ОГОС], лев. пр. р. Илим в басс. р. Чусовая, совр. р. *Медведка*, ср. манс. *ōra* [Munkácsi, Kálmán, 388], чус. *aba* ‘медведь’ [СНТБУ] + суф. *-as* (с собирательным значением) + манс. *jā, jō* ‘речка’ [Munkácsi, Kálmán, 140]. «Медвежья речка». Ср. р. *Абия*⁺.

51. **Абсиша**, р. [Карты XVIII–XIX вв.], прав. пр. р. Шайтанка в басс. р. Южная Сосьва, совр. р. *Медвежка* (истор. также р. *Горбатая*). Ср. манс. *ārsi* ‘младший брат’ + адаптированное в русском языке манс. *sōs, šōš, šaš* ‘ручей’ [Munkácsi, Kálmán, 564], ср. в басс. р. Северная Сосьва — р. *Апсиа*. Ср. также манс. *ōra* [Там же, 388], чус. *aba* ‘медведь’ [СНТБУ] и названия р. *Абасс е*⁺ (*Abass jä*⁺) и р. *Абия*⁺. Учитывая современное русское название и манс. *ōra*, чус. *aba* ‘медведь’, можно предположить, что манс. *ārsi* в данном случае также означает ‘медведь’ (возможно, эвфемизм, ср.: манс. *ōra*, чус. *aba* ‘медведь’ тоже является по происхождению эвфемизмом от первоначального значения ‘отец’). «Медвежий ручей» или (?) «ручей младшего брата».

52. **Аврингё** (*Awringö*), р. [Pallas, 1773, 218], лев. пр. р. Тура, совр. руч. *Братский*, ср. манс. *aur* ‘крутой, глубокий’, *awrex* ‘крутой берег’ [Munkácsi, Kálmán, 59], (?) *gö* = манс. *jā, jō* ‘речка’ [Там же, 140], ср. р. *Талтигэ*⁺, р. *Йилбугэ*⁺ и юж.-сосьв. *joe* ‘река’ [Helmersen, 75]. Ср. в басс. р. Тавда — р. *Оварья*, р. *Оврыш*. «Крутая речка» (?).

53. **Амицук ку** (*Amtzuk ku*), ск. [ОГОС] на р. Чусовая, совр. ск. *Мултык*, от манс. *ańsuχ, äńčuχ* ‘старик’ [Munkácsi, Kálmán, 42] и *kaw*, манс. тавд. *kū* (чус. *ku* [СНТБУ]) ‘камень’ [Munkácsi, Kálmán, 202]. «Старик-камень». Ср. прав. пр. р. Вижай в басс. р. Лозьва — р. *Анчуг* [Матвеев, 2000, 25].

54. **Ауун-**, основа в татарском топониме *Ауун-йилга*, р. (*Auun-jilga*) [Gmelin, 1752, 471], прав. пр. р. Тура, совр. р. *Быстрая*, от манс. *āweη* ‘быстрый’ [Munkácsi, Kálmán, 397]. «Быстрая (речка)». Ср. р. *Унь*⁺.

55. **Гаревал биул** (*Garewal biul*), н. п. [ОГОС] на р. Чусовая, совр. д. *Бабёнки*. Формант *-биул* от манс. *pāul* (чус. *beol*, *biul*) 'деревня' [Munkácsi, Kálmán, 427], основа, вероятно, является искажением русского слова *гаревая*. «Гаревая деревня» (т. е. там, где «гарь»). Этот же формант представлен в названии д. *Kopsich biul* (совр. д. *Копчик*) [ОГОС].

56. **Елпинг-куэ** (*Jelping-Kue*), ск. на р. Тагил, совр. ск. *Медведь*, от манс. *jalpiŋ, jelpiŋ* 'святой, священный' [Munkácsi, Kálmán, 145] и манс. *kaw, kew*, манс. тавд. *kū* (чус. *ku*) 'камень' [Там же, 202]. «Священный камень».

57–59. **Елпинг е(я)** (*Jelping jä*), р. [ОГОС], 1) лев. пр. р. Сылва, совр. р. *Возулка*; 2) лев. пр. р. Тагил, совр. р. *Баранча*; 3) лев. пр. р. Чусовая, совр. р. *Шайтанка*. От манс. *jalpiŋ, jelpiŋ* 'святой' [Munkácsi, Kálmán, 202]. «Святая речка».

60. **Иннар е(я)** (*Innar jä*), р. [ОГОС], в переводе Г. Ф. Миллера — *Ossinowa r.*, прав. пр. р. Чусовая, совр. р. *Осиновая*, ср. манс. *nir*, манс. тавд. *när* 'прут'; очевидно, в местных мансийских говорах это слово могло приобрести значение 'осина', ср. также венг. *nyár* 'тополь, осина'; начальное *inn-*, вероятно, является у Г. Ф. Миллера искаженной передачей мягкого звука *ń*. «Осиновая речка».

61. **Йилбуэ** (*Jilbugä*), р. [Pallas, 1773, 262], пр. оз. Княсьпинское в басс. р. Южная Сосьва, ср. манс. *jilpi* 'новый' [Munkácsi, Kálmán, 135], хант. *jilpi* 'родник, ключ' [DEWOS, 359]. По мнению В. Штейница, значение в хантыйских диалектах первично. Вероятно, в местном мансийском говоре сохранилось первоначальное значение этого слова 'родник, ключ'. Исход *-gä*, очевидно, отражает мансийский формант *-я* 'речка' (ср. р. *Талтигэ*⁺, р. *Аврингэ*⁺). «Ключевая речка» (?).

62. **Куунгчас** (*Kuungtschas*), р. [Pallas, 1773, 218], лев. пр. р. Тура, от манс. *kaw, kew*, манс. тавд. *kū* (чус. *ku*) 'камень' [Munkácsi, Kálmán, 202] + суф. *-ŋ* + вариант манс. *sōs, šōš*, манс. тавд. *šaš*, 'ручей' [Там же, 564] (ср. ск. *Амцук ку*⁺, р. *Канчаи*⁺, р. *Соёрёнгучаи*⁺). Видимо, следует читать **Kuungtschasch*, где последние буквы *sch* в немецком тексте по ошибке не были допечатаны. «Каменный ручей».

63. **Кхабыталт е(я)** (*Chabytalt jä*), р. [ОГОС], лев. пр. р. Серебрянка, совр. р. *Кукуй*, ср. манс. *xār* (чус. *kaeba*) 'лодка' [Munkácsi, Kálmán, 79] + манс. *tālt* 'пристань' [Там же, 622]. «Речка лодочной пристани» (связано с походом Ермака?). Ср. р. *Талтия*⁺.

64. **Кханчемакуэ** (*Chantschemakue*), ск. [ОГОС] на р. Чусовая, совр. ск. *Писаный Камень*, от манс. *xāns-, khānš-* 'писать' + суф. причастия *-m-* + манс. *kaw* (чус. *ku*) 'камень' (ср. ск. *Елпинг-куэ*⁺). «Писанный камень».

65. **Кхонтал е(я)** (*Chontal jä*), р. [ОГОС], пр. р. Серебрянка, совр. р. *Бобровка*, ср. манс. *χintel* 'бобр' [Munkácsi, Kálmán, 125]. «Бобровая речка».

66. **Нёрманг е(я)** (*Nörmang jä*), р. [ОГОС], прав. пр. р. Серебрянка, совр. р. *Луговка* (истор. также *Луговая*), от манс. *nūrem* 'луг' [Munkácsi, Kálmán, 375] + суф. *-ŋ*, ср. в басс. р. Тавда — р. и мыс *Нюрма*. «Луговая речка».

67. **Неунья**, р. [АК, л. 15] (истор. также *Нюя*), совр. р. *Березовка* в басс. р. Тура, ср. праманс. **ńōw*, манс. конд. *ńow* 'лось' [Honti, 1982, 169] + суф. *-ŋ* + *-я*

‘речка’. «Лосиная речка». На ландкартах XVIII в. рядом встречается р. *Joraras*, ср. коми *йора* ‘лось’ и *рас* ‘роща’.

68. **Нюкса**, р. [Ландкарты XVIII в.], лев. пр. р. Салда в басс. р. Тура, ср. манс. *ñoxs* ‘соболь’ [Munkácsi, Kálmán, 364], манс. тавд. *ñixs* ‘соболь’ [Steinitz, 1955, 256], ср. в басс. р. Тавда — р. *Нюкса*. «Соболиная (речка)».

69. **Оча**, р. [Карты XIX в.], прав. пр. р. Каква в басс. р. Южная Сосьва, совр. р. *Буртымка*, ср. манс. *ośsa* ‘узкий’ [Munkácsi, Kálmán, 396], ср. также р. *Осья* / *Оссия* в басс. р. Тавда. «Узкая речка». Вытекает из узкой долины между г. Буртым и г. Очий Камень. В этой связи название г. *Очий Камень*, скорее всего, первоначально не связано с рус. *око* ‘глаз’, а отражает манс. *ośsa* ‘узкий’. «Узкое место, узкая долина» (?).

70. **Палнае**, р. [ЧКР], прав. пр. р. Лобва в басс. р. Южная Сосьва, совр. р. *Коноплянка*, ср. манс. *ponal, panlä, polna* ‘конопля’ [Munkácsi, Kálmán, 453] + манс. *jā, jō*, ‘река, речка’ [Там же, 140]. «Конопляная речка».

71. **Панья**, р. [Карты XVIII в.], лев. пр. р. Нясьма в басс. р. Южная Сосьва, совр. р. *Банная*, ср. манс. *paña* ‘баня’ [Munkácsi, Kálmán, 412] или манс. *pon* ‘невод, сеть’ [Там же, 453] + -я ‘речка’. «Банная речка» или «неводная речка».

72. **Патчош** (*Patschosch*), руч. [Gmelin, 1752, 508], лев. пр. р. Ляля в басс. р. Южная Сосьва, ср. манс. *pat* ‘утка’ [Munkácsi, Kálmán, 420] и манс. *sōs, šōš* ‘ручей’ [Там же, 564], ср. в басс. р. Тавда — р. *Патья*. «Утиный ручей».

73. **Пашья** (*Paschja*), р. [Gmelin, 1752, 410], прав. пр. р. Тагил, совр. р. *Шайтанка*, ср. манс. сев. *pōs* ‘жертва’ [Munkácsi, Kálmán, 463] + -я ‘речка’. «Жертвенная речка». Как известно, *Шайтанками* на Среднем Урале называли священные для аборигенного населения речки, где находились вогульские жертвенные места. См. р. *Пашия*⁺.

74. **(У) Посалу**, ур. [Межевой план XIX в.], на р. Лобва в басс. р. Южная Сосьва во владениях «ясашных вогул д. Лопяевой», от манс. *posal* ‘протока’ [Munkácsi, Kálmán, 463], ср. в басс. р. Тавда — р. *Посол* / *Посал*, *Посолка*. «У протоки».

75. **Сойрѣнгуचाи** (*Seuröngutschasch*), р. [Pallas, 1773, 218], лев. пр. р. Тура, совр. р. *Мраморная*, от манс. тавд. *sajrañ, sąjrãñ* ‘белый’ [Munkácsi, Kálmán, 515] + манс. *kaw*, манс. тавд. *kū* (чус. *ku*) ‘камень’ [Там же, 202] + формант -*чаи*, отражающий диалектный вариант манс. *sōs, šōš*, манс. тавд. *šaš* ‘ручей’ [Там же, 564] (ср. р. *Канчаи*⁺, р. *Бушаи*⁺). «Белокаменный ручей». Здесь было месторождение белого мрамора.

76. **Талтия**, р. [Карты XIX в.], прав. пр. р. Мурзинка в басс. р. Южная Сосьва, совр. р. *Талая*, ср. манс. *tālt* ‘пристань’ [Munkácsi, Kálmán, 622] + -я ‘речка’, ср. в басс. р. Тавда — *Тальтия*, *Талтымья*, *Тальта*. «Речка рядом с пристанью».

77. **Талтигэ** (*Taltigä*), р. [Pallas, 1773, 262], пр. оз. Княсьпинское в басс. р. Южная Сосьва, ср. р. *Талтия*⁺. Исход -*gä*, очевидно, отражает мансийский формант -я ‘речка’ (ср. р. *Йилбугэ*⁺, р. *Аврингэ*⁺).

78. **Тангербюттен** (*Tangerbüttten*), руч. [Pallas, 1773, 218], лев. пр. р. Тура, ср. манс. *taŋer-pit'i* 'мышинная нора' [Munkácsi, Kálmán, 444] + суф. *-ŋ*. «(Ручей) с мышинными норами». Ср. р. *Битимка*⁺.

79–80. **Таринка**, р. [Карты XIX в.], лев. пр. р. Ляля и прав. пр. р. Замарайка в басс. р. Южная Сосьва, ср. манс. *tariŋ* 'сосна', *tārka*, *tāri* 'ерш', *tāriŋ* 'журавль' [Munkácsi, Kálmán, 631] или манс. *tareŋ* 'медь, медный', ср. в басс. р. Тавда — р. *Тарынья*, р. *Тарья*.

81. **Тарулал е(я)** (*Tarulal jä*), р. [ОГОС], прав. пр. р. Серебрянка, совр. р. *Журавлик*, ср. манс. *tāriŋ*, манс. тавд. *tārū* 'журавль' [Munkácsi, Kálmán, 631] + манс. *lāŋəl*, манс. тавд. *lael* [Там же, 244], чус. *lal* 'нога' [СНТВУ]. Дословно «журавлиная нога» (метафорический термин со смыслом «рассоха» (?) либо тот же перенос, что и в удм. *турикук* 'папоротник', букв. «журавлиная нога»).

82. **Тарья** (*Tarja*), р. [Pallas, 1773, 256], пр. оз. Княсьпинское в басс. р. Южная Сосьва, совр. р. *Ершовка*, ср. манс. *tārka*, *tāri* 'ерш' [Munkácsi, Kálmán, 631] + *-я* 'речка', ср. в басс. р. Тавда — р. *Тарья*. «Ершовая речка».

83. **Тарьятпуаль** (*Tariatpual*), н. п. [Pallas, 1773, 256] возле оз. Княсьпинское в басс. р. Южная Сосьва. См. р. *Тарья*⁺ + мансийский аффикс местного падежа *-t-* + манс. *rāul* 'деревня' [Munkácsi, Kálmán, 427]. «Деревня на речке Тарья».

84. **Тавтим е(я)** (*Tautim jä*), р. [ОГОС], пр. р. Серебрянка, совр. р. *Кедровка*, ср. манс. тавд. *tāt* 'кедр' [Munkácsi, Kálmán, 136] + суф. *iŋ*. «Кедровая речка». Примечательно, что форма *taut*, очевидно, отражает древнюю форму с рефлексом праоб.-угор. **-ɣ-*, не сохранившуюся в известных мансийских диалектах, ср. праоб.-угор. **ŋ̄ɣ̄ð̄* 'кедр' [Honti, 1982, 136], с переходом *ɣ > w*, характерным для южномансийских говоров.

85. **Ташам е(я)** (*Taschat jä*), р. [ОГОС], пр. р. Серебрянка, совр. р. *Сухая*, ср. манс. *tōsam*, *tōšem* [Munkácsi, Kálmán, 1986, 664], чус. *taschat* 'сухой' [СНТВУ]. «Сухая речка».

86. **Толчош** (*Toltschosch*), руч. [Gmelin, 1752, 508], лев. пр. р. Ляля, ср. манс. *tol* 'талый' [МЛ, 651] и манс. *sōs*, *šōš* 'ручей' [Munkácsi, Kálmán, 564], ср. в басс. р. Тавда — р. *Толчош*. «Талый ручей».

87. **Торвэтур** (*Torwätur*), г. [Pallas, 1773, 262] возле оз. Княсьпинское, совр. г. *Княсьпинская*, от манс. *tūr*, *tor* 'озеро' [Munkácsi, Kálmán, 683], *wāta*, *vōtä* 'берег' [Там же, 721], *ur* 'гора' [Там же, 701]. «Гора у берега озера». Ср. оз. *Турват* в басс. р. Северная Сосьва [Глинских, Матвеев, 1975, 48].

88. **Тячач**, р. [АВИ, л. 15] в басс. р. Тура, ср. манс. тавд. *tāt* 'кедр' [Munkácsi, Kálmán, 136], формант *-чач* (*-чаиш*) отражает диалектный вариант манс. *sōs*, *šōš*, манс. тавд. *šaš* 'ручей' [Там же, 564] (ср. *Канчаиш*⁺, *Сойрэнгучаиш*⁺), ср. в басс. р. Тавда — реки *Татья*. «Кедровый ручей».

89. **Чаиш**, р. [Ландкарты XVIII в.], лев. пр. р. Тагил, совр. руч. *Чабор*, от манс. *sōs*, *šōš*, манс. тавд. *šaš* 'ручей' [Munkácsi, Kálmán, 564] (ср. *Канчаиш*⁺, *Сойрэнгучаиш*⁺).

90. *Чоурчош* (*Tschourtschosch*), р. [Pallas, 1773, 262], пр. оз. Княсьпинское в басс. р. Южная Сосьва, искаженное **čourpčōš*, совр. руч. *Лягушка*, ср. манс. *sāwrep*, *šourp* ‘лягушка’ [Munkácsi, Kálmán, 569] + манс. *sōs*, *šōš* ‘ручей’ [Там же, 564]. «Лягушачий ручей».

Как видно из приведенного списка, на Среднем Урале в современной русской топонимии из всех мансийских топонимических типов наиболее полно представлен только один — названия рек с формантом *-я*. Главным образом в исторических источниках засвидетельствован также ряд мансийских гидронимов с формантом *-чаиш/-шаиш/-чач* ‘ручей’: р. *Бушаиш*⁺, р. *Канчаиш*⁺, р. *Seuröngutschasch*⁺, р. *Тячач*⁺, р. *Чаиш*⁺, в искаженном виде также р. *Kuungtschasch*⁺, р. *Кучаж*⁺. Этот топонимический тип лучше всего дифференцирует субстратную мансийскую гидронимию на Среднем Урале, но в современной русской топонимии пока обнаружено лишь три соответствующих названия: р. *Бушаиш*⁺, р. *Канчаиш*⁺ и, возможно, р. *Кучаж*⁺ (< **Кучаиш*). Остальные названия не сохранились.

Подавляющее большинство засвидетельствованных на Среднем Урале мансийских топонимов является названиями рек и ручьев. Из немногих озерных гидронимов, оронимов и микротопонимов, представленных в списке, в живой русской топонимии сохранились лишь названия оз. *Воленторское*⁺, оз. *Ёндорское*⁺, г. *Бунар*⁺, г. *Козмер*⁺, ур. *Кампал*⁺.

В значительной части нерусских по происхождению названий на Среднем Урале географический термин эллиптирован или заменен русским топонимическим формантом *-ка* (*Няр*⁺, *Покап*⁺, *Унь*⁺, *Битимка*⁺, *Кулымка*⁺), что затрудняет поиск языка-источника для таких топонимов.

Этимологический анализ топонимов, представленных в письменных источниках, позволил установить, что некоторые современные русские географические названия являются кальками мансийских. Особенно много подобных калек обнаруживается в верхнем течении р. Серебрянка (прав. пр. Чусовой) и в басс. Южной Сосьвы [Смирнов, 1997]. В некоторых случаях калькированными оказываются целые элементы микросистем. Например, в верхнем течении р. Серебрянка большинство современных русских топонимов отражает семантику засвидетельствованных Г. Ф. Миллером [ОГОС] мансийских названий: р. *Сухая* — манс. *Taschat jä*⁺ «сухая речка»; р. *Бобровка* — манс. *Chontal jä*⁺ «бобровая речка»; р. *Кедровка* — манс. *Tautim jä*⁺ «кедровая речка»; р. *Журавлик* — манс. *Tarulal jä*⁺ «журавлиная нога». Академик П. С. Паллас в XVIII в. в окрестностях оз. Княсьпинское в басс. Южной Сосьвы записал несколько мансийских топонимов [Pallas, 1773, 262]. Сопоставление с русскими названиями этих объектов показало, что современная русская топонимическая микросистема частично калькирует предшествующую мансийскую: р. *Ершовка* — манс. *Tarja*⁺ «ершовая речка»; руч. *Лягушка* — манс. *Tschourtschosch*⁺ «лягушачий ручей»; г. *Княсьпинская* (названа по оз. *Княсьпинское*, на берегу которого находится) — манс.

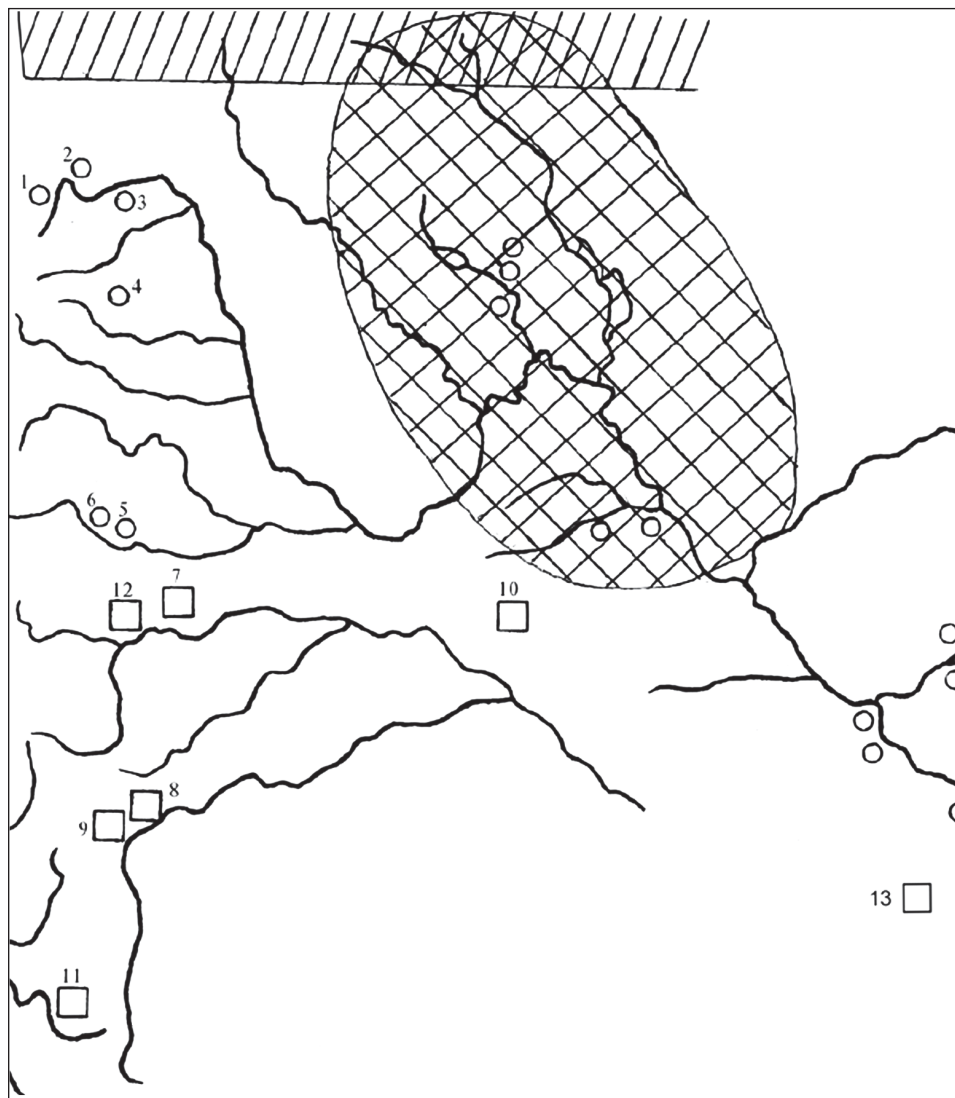
Torwätur⁺ «гора у берега озера» (тот же самый мотив номинации). Показательны и некоторые другие факты, например: р. *Коноплянка* (приток р. Лобва в басс. Южной Сосьвы) в Чертежной Книге С. Ремезова 1700 г. обозначена как р. *Палнае*⁺, ср. манс. *ponal, panlä, polna* ‘конопля’ [Munkácsi, Kálmán, 453]; г. *Старик-Камень* (самая высокая на Среднем Урале) семантически соответствует мансийскому *Нёр-Ойка* «гора-старик» [Матвеев, 2008, 189] — так манси называют священные для них горы на Северном Урале, поэтому ороним *Старик-Камень* с большой долей вероятности может также являться калькой с мансийского [Матвеев, 1990, 171].

Таким образом, на территории былого проживания манси помимо прямых субстратных включений обнаруживается своеобразный «скрытый» топонимический субстрат в виде семантической преемственности современных русских и предшествовавших им мансийских топонимов. Масштабы этого «скрытого» топонимического субстрата или, по-другому говоря, калькирования русским языком старых мансийских географических названий, установить трудно. Но уже сейчас очевидно, что на отдельных территориях, поблизости от исчезнувших вогульских деревень, например на р. Серебрянка (приток р. Чусовая) или в басс. Южной Сосьвы, подобная связь русской и предшествовавшей мансийской топонимии имела широкий характер.

Субстратная мансийская топонимия на территории ранней ассимиляции манси имеет большое значение для изучения исчезнувших древнемансийских диалектов. Во-первых, она наглядно демонстрирует диалектные различия в исчезнувших мансийских говорах. Примером могут служить ареалы топонимов с формантом, соответствующим манс. сев. *sōs* ‘ручей’ (см. карту 4).

Во-вторых, факты топонимии подтверждают ряд фонетических особенностей местных мансийских говоров, выявленных Я. Гуя при исследовании вогульских лексических списков XVIII в., и уточняют их ареал. Вот некоторые из наиболее важных особенностей:

— сохранение праманс. **ā* в соответствии с манс. зап., вост. и сев. *ā*. Это явление, находящее параллели в мансийских тавдинских говорах, регулярно наблюдается в лексических свидетельствах чусовского диалекта вогул и подтверждается топонимически, ср. формант *-чаи/-шаи/-чач* ‘ручей’ в гидронимах *Канчаи*⁺, *Соёрёнгучаи*⁺, *Бушаи*⁺, *Тячач*⁺, а также р. *Abass jä*⁺, р. *Абия*⁺, р. *Пашия*⁺, р. *Raschja*⁺, р. *Расья*⁺, р. *Taschat jä*⁺ и др. Топонимы с сохранением праманс. **ā* регулярно отмечаются в басс. р. Чусовая и Тура. Отдельные нерегулярные случаи засвидетельствованы и севернее, в басс. Южной Сосьвы: р. *Шарп* (верхнее течение р. Южная Сосьва), р. *Шарпань* / истор. *Шарпан* (нижнее течение р. Южная Сосьва) от манс. *sōrp, šōrp* ‘лось’ [Munkácsi, Kálmán, 563]. Относительно речки Шарпань информанты из числа местных жителей особо отмечают, что раньше там «лосей было много». Лабиализация праманс. **ā* и переход его в *ā* — достаточно позднее явление, которое начало распространяться в северных, а затем

▨ — граница ареала топонимов на -sosh

▧ — ареал топонимов на -shosh
(по Г. В. Глинских)

○ — топонимы с формантом -чѣш/-чош

□ — топонимы с формантом
-чаи/-чач/-шаи

1 — Попчош; 2 — Толчош; 3 — Елчош; 4 — Tschourtschosh
5 — Tolschosh; 6 — Patschosh; 7 — Seuröngutschash; 8 — Канчаи; 9 — Чаи;
10 — Тячач; 11 — Бушаи; 12 — Kuungtschas(ch); 13 — Кучаж (? Кучаи)

Карта 4. Мансийские топонимы с формантом,
соответствующим манс. сев. sosh 'ручей'

в восточных и западных мансийских наречиях с XVII в. [Steinitz, 1955, 175], до мансийских говоров Среднего Урала оно не дошло;

— переход начального *p*- в *b*-. По свидетельству Я. Гуя, это фонетическое явление распространялось с юга на север и охватило чувовские, тагильские и туринские говоры вогул [Gulya, 1964]. В топонимии ареал совпадает, ср. топонимы р. *Бандейка*⁺, г. *Бунар*⁺, р. *Бушаиш*⁺, топоформант *-biul* ‘деревня’ (д. *Garewal biul*⁺, д. *Kopsich biul*⁺). Ср. также р. *Botisch jä* [ОГОС] (совр. рус. р. *Потяж* в басс. р. Чусовая). В бассейне Южной Сосьвы фактов мансийской топонимии с начальным *b*- не засвидетельствовано. Это явление — одно из наиболее специфических в древнемансийских говорах Среднего Урала и отличает их от известных мансийских диалектов.

Диалектная принадлежность мансийских говоров территории ранней ассимиляции манси подробно проанализирована в работах: [Смирнов, 1996; 1997]. Если обобщить, то можно сказать следующее:

1. Говоры территории ранней ассимиляции манси обнаруживают характерные черты южно- и западномансийского наречия, отличающие их от современного северного наречия:

а) сохранение праманс. **k* (*kh*), в соответствии с манс. сев. *χ*, ср. р. *Калма*⁺, р. *Кулымка*⁺, р. *Кутья*⁺, р. *Кушва*⁺ (истор. *Кошия*⁺, *Кушья*⁺) и др. Примечателен тот факт, что на территории Среднего Урала в русской топонимии не фиксируются субстратные топонимы с начальным *x*-, а только с начальным *k*-. В записях Г. Ф. Миллера ряд мансийских топонимов на р. Чусовая записан с начальным *ch*- (р. *Chabytalt jä*⁺, ск. *Chantschemakue*⁺, р. *Chontal jä*⁺), что может свидетельствовать о более заднем по сравнению с русским языком образовании этого звука, т. е. *kh*-;

б) сохранение праманс. **š* (*š*) в соответствии с манс. сев. *s*, ср. р. *Бушаиш*⁺, р. *Парча*⁺, р. *Пашия*⁺, р. *Пашья*⁺ (*Paschja*⁺), р. *Ташам е(я)*⁺ (*Tascham jä*⁺), р. *Чоурчош*⁺ (*Tschourtschosch*⁺), р. *Шолемка*⁺ и др.;

в) звук в соответствии с манс. сев. *ā* на месте праманс. **ī* (*ē*) отличался по качеству от манс. сев. *ā* и был более близок по форме к праманс. **ī* (*ē*), манс. зап. *ē* или манс. тавд. *ā̄* (качество этого звука, во всей видимости, отличалось в разных говорах), ср.: д. *Гаревал биул*⁺ (*Garewal biul*⁺), где *biul* в соответствии с манс. сев. *pāul* ‘деревня’; р. *Нырья*⁺ от манс. диал. *nēr* ‘кедровый орех’; г. *Торвэтур*⁺ (*Torwätur*⁺), где *торвэ́т-* (*torwät-*) в соответствии с манс. сев. *tūr wāta* ‘берег озера’; оз. *Ёндорское*⁺, где *ё-* в соответствии с манс. сев. *jā* ‘река, речка’, то же самое в отражении форманта *-я* ‘речка’ как *-e* (р. *Палнае*⁺, р. *Сорье*⁺), *-э* (*-gä*) (р. *Jilbugä*⁺, р. *Taltigä*⁺) или *-gö* (р. *Awringö*⁺); р. *Локса*⁺ в соответствии с манс. сев. *lāχs* ‘гриб’; р. *Тячач*⁺ от манс. тавд. *tāt* ‘кедр’.

2. Многие топонимы фиксируются в форме, отличающейся от современного северного мансийского наречия, и имеют больше параллелей в южномансийском (тавдинском) наречии, ср.: р. *Сойрэнгучаиш*⁺ (*Seuröngutschasch*⁺) от манс.

тавд. *sajraŋ, sǎjrǎŋ* ‘белый’ (в северных мансийских наречиях это слово неизвестно) и от манс. тавд. *kū* (чус. *ku*) в соответствии с манс. сев. *kaw* ‘камень’; р. *Сурья*⁺ от манс. тавд. *sur* в соответствии с манс. сев. *sir* ‘песок’; р. *Унь*⁺ (истор. *Унья*⁺) от манс. тавд. *īuŋ* в соответствии с манс. сев. *owəŋ* ‘быстрый’; р. *Именная*⁺ (истор. *Имян*⁺) от манс. тавд. *īm* в соответствии с манс. сев. *jēt* ‘песок’; р. *Кушва*⁺ (истор. *Кошья*⁺, *Кушья*⁺) от манс. тавд. *khušo* в соответствии с манс. сев. *xosa* ‘длинный’; р. *Нюкса* от манс. тавд. *ñuxs* ‘соболь’ в соответствии с манс. сев. *ñoxs* ‘то же’. Отдельные формы топонимов, дифференцируемые как западномансийские, встречаются в басс. Южной Сосьвы, видимо, под влиянием соседних западномансийских лозьвинских говоров, ср.: р. *Палнае*⁺, в форме близкой к манс. зап. *panlä* ‘конопля’ в соответствии с манс. сев. *ponal*.

3. Можно выделить ряд фонетических черт топонимов районов ранней ассимиляции манси, характерных для южномансийского (тавдинского) наречия:

а) сохранение праманс. **ā* в соответствии с манс. зап., вост. и сев. *ā*, см. подробнее выше;

б) появление *o* на месте манс. зап., вост. и сев. *ū, u* (праманс. **ū, *i*). Наличие этого явления в древнемансийских диалектах на данной территории подтверждается также лексическими списками верхотурских и чусовских вогул XVIII в. В топонимии рефлексy его, хотя и нерегулярно, обнаруживаются в басс. Чусовой и Южной Сосьвы, ср. р. *Chontal jä*⁺, р. *Nörmang jä*⁺ и формант *-тор* ‘озеро’ (оз. *Воленторское*⁺, оз. *Ёндорское*⁺);

в) переход *γ > w* с последующим стяжением *-(V)w > -ū* или выпадение *γ* в интервокальной позиции, ср. р. *Тарулал е(я)*⁺ (*Tarulal jä*⁺), р. *Тайтим е(я)*⁺ (*Tautim jä*⁺), р. *Бушаиш*⁺, г. *Бунар*⁺;

г) ввиду того, что исконные гласные **ū, *i* исчезали и переходили в *o*, появляется новая гласная *u* на месте *ō* и *ī*, ср. р. *Нюкса*⁺, р. *Кушья*⁺, р. *Сурья*⁺, р. *Юрья*⁺, руч. *Тангербюттен*⁺ (*Tangerbüdden*⁺). В сочетании с последующим *-w* происходит стяжение **ōw/*īw/*ějw > *uw > ū*, ср. р. *Унь*⁺ (истор. *Унья*⁺), р. *Нюя*⁺, р. *Бушаиш*⁺, р. *Кутья*⁺ (истор. *Кутья*⁺), р. *Тарулал е(я)*⁺ (*Tarulal jä*⁺), а также элемент *ku* ‘камень’ в топонимах р. *Куунгчас*⁺ (*Kuungtschas*⁺), ск. *Амцук ку*⁺ (*Amtzuk ku*⁺), р. *Соёрёнгучаиш*⁺ (*Seuröngutschasch*⁺), р. *Кучаж*⁺.

Учитывая перечисленное, мы склонны сближать древнемансийские диалекты на территории ранней ассимиляции манси с южномансийскими (тавдинскими) говорами.

Топонимические факты из районов бывшего проживания манси могут внести свой вклад в разработку некоторых вопросов истории мансийского языка. Так, например, на месте манс. зап., тавд. *š*, сев. *s* во многих субстратных мансийских топонимах мы находим шипящую аффрикату *š*. Это явление зафиксировал Г. В. Глинских в топонимии басс. р. Тавда (в южной и западной частях). Подобные топонимы отмечены также в басс. Туры и Чусовой. Особенно показателен в этом отношении мансийский гидронимический формант, соответствующий

манс. сев. *sōs* ‘ручей’. В басс. р. Пелым он регулярно отражается как *-шош*. Южнее, в среднем течении Тавды, и западнее, в басс. р. Южная Сосьва, где манси были ассимилированы несколько раньше, ему регулярно соответствует *-чош/-чёш*, а в басс. Туры — *-чаш* и даже *-чач*.

Аналогичная шипящая аффриката *š* на месте манс. зап., манс. тавд. *š*, манс. сев. *s* достаточно регулярно наблюдается в мансийских лексических списках XVIII в. с территории Чусовой и Южной Сосьвы, а также в списках, помечаемых как верхотурский диалект: манс. чус. *tschaschkwa* ‘речка’, *tschische* ‘спина’, *tschantschu* ‘колени’, *tschotschau* ‘смородина’ и т. д. [СНТВУ], юж.-сосьв. *tschusch*, верхот. *чючь* ‘блоха’ [Honti, 1982, 133], юж.-сосьв. *ootsche*, верхот. *оча* ‘город’ [Там же, 191] и мн. др. В списках слов первой половины XVIII в., называемых диалектом верхотурских вогул, аффриката *š* выступает во всех упомянутых случаях. В басс. р. Чусовая, Тура, Тагил и в топонимии Южной Сосьвы отмечается ее позиционный характер. Здесь она встречается, главным образом, в начале слова в случае, если в основе слова далее следует еще один звук *š* (*č*), или после носового сонорного *n* (ср. *tschantschu*, ск. *Chantschemakue*). Обилие подобных как топонимических, так и аппелятивных фактов в разноязычных источниках не может быть случайным и, скорее всего, обусловлено реальным произношением соответствующего звука в виде аффрикаты в исходных мансийских говорах (необходимо заметить, что Г. Ф. Миллер, приводя соответствия чусовскому говору в пельмском диалекте, везде пишет в нем исключительно *sch*, например: чус. *tschische*, пел. *schisch* ‘спина’ и т. д. [СНТВУ]). Поскольку манс. зап., тавд. *š* и сев. *s* восходит к праоб.-угор. **š* [Honti, 1982, 24, 131–134], то древнемансийские диалекты XVII–XVIII вв. на западных и южных рубежах мансийского ареала (в басс. Южной Сосьвы, Туры, Чусовой и среднего течения Тавды), видимо, сохраняли эту аффрикату в качестве характерного периферийного архаизма. В связи с этим **š* может быть восстановлено не только для праобско-угорского, но и для прамансийского (хотя бы как диалектный или позиционный вариант).

4. К вопросу о мансийской топонимии к западу от Урала

Мансийскую топонимию к западу от Урала искали и ищут многие ученые. А. Каннисто [Kannisto, 1927] и А. Ф. Теплоухов [1924] описывают мансийские, по их мнению, следы в топонимии Среднего и Верхнего Прикамья. Отчасти следуя за ними, Я. Гуя простирает границу распространения древнемансийских диалектов вплоть до истоков Камы [Гуя, 1963]. М. Г. Атаманов [1997] считает мансийскими ряд названий на территории Удмуртии. А. П. Афанасьев [1996] находит топонимы возможного мансийского происхождения в Северном Приуралье на р. Вычегде и в верховьях р. Мезень.

Чаще всего вопрос о мансийской топонимии на этих территориях финно-угроведами рассматривается в контексте более широкой проблемы угорского

топонимического пласта к западу от Урала. Представляется методологически необходимым принципиально разделить эти два аспекта. Дело в том, что угорская топонимия к западу от Урала может существовать, но при этом она может быть не мансийской, не хантыйской и не венгерской. Вполне вероятно, что значительная ее часть может принадлежать особой ветви угорских народов, не сохранившейся до наших дней. Очевидно, что часть элементов такой топонимии будет иметь параллели в мансийском языке, так же как другая часть — в хантыйском или венгерском. В такой ситуации для выводов о том, что то или иное географическое название, формально совпадающее с каким-нибудь мансийским словом, действительно является мансийским по происхождению, необходимы системные основания. Это, во-первых, наличие в этом районе характерных этнически дифференцирующих мансийских топонимических типов, т. е. топонимов с повторяющимися формантами, четко идентифицируемыми с данным языком. Во-вторых, наличие в рассматриваемом микроареале значительного числа топонимов с дифференцирующими мансийскими топоосновами, желательно, чтобы часть этимологий была подтверждена семантическим калькированием. В-третьих, выводимость формы топонимов из мансийского языка с учетом исторически действовавших фонетических закономерностей. В-четвертых, непротиворечивая историческая интерпретация, когда и какой группой манси мог быть оставлен этот субстрат.

В поисках субстратной мансийской топонимии к западу от Урала исследователи обычно оперируют единичными названиями. В силу упомянутых выше причин это не имеет доказательной силы. К тому же, при подобных, чисто формальных, сопоставлениях зачастую не учитывается историческая фонетика мансийского языка. М. Г. Атаманов, например, причисляет к топонимам возможного мансийского происхождения название р. *Дасос* в басс. р. Чепца [Атаманов, 1997, 45]. Действительно, формант *-сос* ‘ручей’ является одним из основных мансийских дифференцирующих топоформантов, но в такой фонетической форме он выступает лишь в современных северных диалектах. На западмансийской территории мы обнаруживаем *-шош/-чёш*, на Среднем Урале — *-чаш/-шаш/-чач*, что наиболее близко восстанавливаемому праманс. *čāš (см. карту 4). Переход č/š в s в северных мансийских говорах был достаточно поздним явлением и, по данным Я. Гуя, еще не закончился в XVIII в. [Гуй, 1963, 175]. Звук č/š регулярно сохранялся в древнемансийских диалектах в западной части вогульского ареала. Что касается вокализма, то переход праманс. *ā в ō тоже достаточно позднее явление и распространялся он с северо-востока на юго-запад мансийского языкового ареала, поэтому в Прикамье, а тем более на Чепце, следует ожидать рефлекс данного топоформанта в фонетической форме, близкой к прамансийскому состоянию (*-чач/*-чаш), но никак не *-сос*.

Также по историко-фонетическим основаниям название р. *Коса* в басс. Вятки, Чепцы [Атаманов, 1997, 45] и в верховьях Камы нельзя производить из-

манс. сев. *хоса* 'длинный', ср. манс. зап. *khwǎšǎ*, тавд. *khušo* [Munkácsi, Kálmán, 110], чус. *куша* [ССВЯН, 1, 368]. Сомнительно выведение основы топонима р. *Ворьявай* в Удмуртии [Атаманов, 1997, 43] из манс. *вор* 'лес', не только потому что это изолированный топонимический факт, но и поскольку с точки зрения истории мансийского языка эта основа имела бы форму **вар-*, близкую к праманс. **wār* 'лес' [Honti, 1982, 196], ср. чус. *вар* 'лес' [ССВЯН, 1, 396].

В настоящее время уже с достаточно большой долей уверенности можно утверждать, что к западу от Урала мансийских дифференцирующих топонимических типов, характерных для Зауралья, не обнаруживается. Анализ субстратных мансийских топонимов на территории Среднего Урала показывает, что по направлению к западу и юго-западу в ареале субстратной мансийской топонимии число топонимов с типичными мансийскими формантами и основами стремительно тает и полностью иссякает на западных склонах Урала. Географические названия с наиболее убедительной мансийской этимологией расположены в непосредственной близости от Уральского хребта в верхнем течении рек Сылва, Косьва, Яйва, Язьва, Вишера, среднем течении р. Чусовая (см. карту 2). Западнее обнаруживаются лишь единичные топонимы, имеющие формальные сходства с субстратными мансийскими названиями. При этом чаще всего они находят объяснение в соседних пермских или тюркских языках. Например, в среднем течении р. Тулва (крупный лев. пр. р. Кама) есть названия р. *Турья* и р. *Утяй* (истор. *Утая*), которые формально сопоставляются с мансийскими топонимами р. *Турья* «озерная река» и р. *Утья* «водная (непересыхающая) река» в басс. Тавды. Вместе с тем никаких озер в окрестностях р. Турья нет, и название ее лучше объясняется при сопоставлении с воршудно-родовым объединением удмуртов *Турья*, ср. н. п. *Турья* на территории Татарстана [Атаманов, 1997, 231]. По преданиям, в бассейне р. Тулва раньше проживали удмурты, субстратные удмуртские топонимы здесь также встречаются. Название р. *Утяй* имеет соответствия в топонимии Башкирии, ср. р. *Утэй*, н. п. *Утэй*, которые восходят к аналогичному тюркскому антропониму [СТБ, 161–162].

Что касается топонимических типов Приуралья, которые обычно причисляют к угорским, то они вряд ли восходят к мансийскому или прамансийскому языку. Так, многочисленные топонимы на *-ым*, *-им* [Майданова, Макарова, 1965] в подавляющем большинстве не находят удовлетворительной мансийской этимологии и плохо соотносятся с известными субстратными мансийскими названиями. Кроме того, значительная часть топонимов на *-им*, *-ым* этимологизируется из пермских языков. Топонимический тип на *-чим* в Северном Приуралье [Туркин, 1986, 130], соотносимый с обско-угорскими данными, вряд ли является мансийским, поскольку ближайшее ему соответствие в мансийском — *sōjet* 'ручей' [Munkácsi, Kálmán, 556] — существенно отличается фонетически и практически не употребляется в субстратной мансийской топонимии близлежащих районов (оно больше распространено к северо-востоку, по соседству с хан-

тыйскими диалектами). Группа названий на *-лук/-луг* (*Базлуг, Казлук, Матлуг, Морготлуг*) в среднем течении р. Вычегда также по своему вокализму вряд ли соотносима с мансийским языком, ср. манс. *lōχ* 'залив' [Там же, 261], праманс. **lāk* [Honti, 1982, 159]. М. Л. Гусельникова достаточно убедительно показывает, что термин *луг* в этих названиях может быть заимствован из русского языка [Гусельникова, 2001, 118]. Заманчиво было бы связать р. *Лух* (лев. пр. р. Кама немного выше города Перми) с манс. *lōχ* 'залив' [Munkácsi, Kálmán, 261], но, как уже было сказано выше, фонетическое оформление топонима отличается от местных мансийских диалектов (в местных древнемансийских говорах в данном случае ожидался бы исход **-āk*, а не *-ух*). Если это название и восходит к угорским источникам, то оно, скорее всего, связано с тем же топонимическим пластом неизвестной, возможно угорской, топонимии, которую в Приуралье образуют топонимы на *-чим/-сим* (р. *Акчим, Висим, Колчим, Легчим, Локчим* и др.).

Не обнаруживается какого-либо явного мансийского топонимического пласта даже на тех территориях Приуралья, где засвидетельствованы мансийские этнотопонимы с основой «вогул». Это прежде всего район среднего и нижнего течения р. Косьва, Яйва и Язьва. Можно заметить, что все вогульские поселения, засвидетельствованные в письменных источниках до начала XIX в., расположены внутри ареала топонимов мансийского происхождения на территории ранней ассимиляции манси, в то время как значительное количество этнотопонимов с основой «вогул» локализованы за границами этого ареала, в районах, где топонимы мансийского происхождения единичны либо не встречаются совсем (см. карту 3). Вероятно, этнотопонимы с основой «вогул» в Приуралье отражают западную границу поздних инфильтраций отдельных семей манси в эти районы.

Топонимия нерусского происхождения в районе среднего и нижнего течения рек Косьва, Яйва, Язьва и прилегающих побережий Камы имеет отчетливо выраженный пермский характер (р. *Вильва, Вож*, н. п. *Кужгорт*, р. *Ленва, Нязва*, н. п. *Парма*, р. *Пожва, Сынъва, Чанъва, Чёлва* и др.). Те немногие топонимы, которые из пермских языков проэтимологизировать трудно (например, р. *Висим, Легчим, Лух, Лытва, Ык*), не находят удовлетворительного объяснения и в мансийском языке. Если для отмеченных на карте 2 в районе устья р. Яйва двух топонимов р. *Уньва*⁺ не будет найдена другая этимология, то их можно признать самыми западными топонимами мансийского происхождения в Прикамье.

В какой-то мере подтверждает сказанное топонимия территории басс. р. Язьва (лев. пр. р. Вишера), где проживает изолированная группа коми-язьвинцев. Если предположить, что коми-язьвинцы в этих предгорных районах Северного Урала некогда сменили мансийское население, то в их топонимии должен был сохраниться ощутимый мансийский субстратный слой. В. И. Лыткин [1961], исследовавший диалект коми-язьвинцев, не находит в их языке и топонимии значимых субстратных мансийских включений. Единственный топоним у В. И. Лыткина,

который с уверенностью можно связать с мансийским языком, это засвидетельствованное в фольклоре коми-язьвинцев название местности *Ан'ч'ушка*, от манс. *añsuχ, añčuχ* 'старик' [Munkácsi, Kálmán, 42]. Где она находится, коми-язьвинцы точно не знают. В. И. Лыткин предполагает, что *Ан'ч'ушкан вэли* означает «был у мансийцев» [Лыткин, 1961, 85]. Пожалуй, это одно из немногих лексических свидетельств языка коми-язьвинцев, отражающее былые контакты с жившими к востоку от Урала манси. Исторические факты, приводимые В. И. Лыткиным, свидетельствуют о том, что не коми-язьвинцы поселились на мансийских землях, а отдельные вогульские семьи иногда приходили на Язьву «для кормления» [Там же, 12]. С этим, в частности, может быть связано появление топонима *Вогульска* — маленький ручеек возле д. Дубовка в среднем течении р. Язьва.

Наиболее важным объективным и системным свидетельством мансийской топонимии к западу от Среднего Урала является список из 47 вогульских географических названий на р. Чусовая и Сылва, приведенный в неопубликованном труде Г. Ф. Миллера «Особое географическое описание Сибири» [ОГОС]. Анализ этого материала [Смирнов, 2001] показал, что основная масса мансийских топонимов в басс. р. Чусовая, а в верховьях р. Сылва почти все топонимы были заимствованы чувовскими вогулами из соседних пермских, тюркских и русского языков. Лишь 13 из 47 топонимов поддаются убедительной этимологизации из мансийского языка. Подавляющее большинство из них — это названия мелких географических объектов. Названия большинства более или менее крупных притоков Чусовой были заимствованы чувовскими вогулами у древних пермяков и тюрков.

Все приведенные факты говорят в пользу того, что вогулы «просачивались» в Приуралье с востока. Возможно, спускались к Каме по ее левым притокам Косьве, Яйве. Дальше всего поселения манси на западных склонах Урала сохранялись в верховьях Вишеры (так называемые чердынские вогулы) и в среднем течении Чусовой (чувовские вогулы), несколько семей вогул освоили верховья Сылвы (сылвинские вогулы). До низовий Вишеры, так же как и до низовий Чусовой и Сылвы, вогулы, по всей видимости, не дошли. Здесь было компактное пермское (на Вишере), тюркское и пермское (на Сылве) население, а также, возможно, остатки более древних этнических групп, которые по лингвистическим данным пока трудно определить. Появление единичных мансийских топонимов к западу от Урала, скорее всего, имеет суперстратный характер.

Дополнительного изучения требует вопрос о «вятских вогуличах» в басс. р. Чепцы и Кильмези в приграничных районах Удмуртии и Кировской области. Ряд топонимов, похожих на мансийские, на этой территории описывает М. Г. Атаманов [1997, 43–45]. Главным аргументом, позволяющим рассматривать мансийскую версию происхождения некоторых названий в этом регионе, являются исторические сообщения о неких «вятских вогуличах» [Там же, 47] и этнотопоним н. п. *Вогульцы* в междуречье Чепцы и Кильмези в Кировской

области. Впрочем, отдельные сопоставления топонимов в этом ареале с мансийским языком необходимо отвергнуть прежде всего по историко-фонетическим причинам (см. выше о названиях *Дасос*, *Коса*). Что касается некоторых других топонимов (р. *Уня*, *Уть*), то они единичны и находятся в окружении весомых пластов немансийской субстратной топонимии этих районов на *-ук/-ек*, *-Ун(ь)*, *-ча*, *-Уж* и др. и должны быть рассмотрены прежде всего в контексте лингвоэтнической интерпретации этих названий. В лучшем случае, по отношению к этнопониму *Вогульцы* и единичным названиям, похожим на мансийские, в этом районе можно говорить как о позднем суперстрате.

В «погоне» за угорским субстратом к западу от Урала практически неизученными в этом отношении до сих пор остаются районы южного направления: басс. Исети, Тобола, Южное Зауралье.

При исследовании южных границ субстратной мансийской топонимии обращает на себя внимание своеобразная лакуна в Среднем Зауралье. Субстратные мансийские топонимы концентрируются в басс. Тавды и на склонах Урала, как бы обходя стороной среднее и нижнее течение Туры, Тагила, Нейвы, Ницы (см. карту 2). Отчасти это объясняется интенсивным русским освоением этой территории в XVII в., в результате чего редкое аборигенное население было быстро вытеснено и топонимия иноязычного происхождения сохранилась очень плохо. Вместе с тем среди сохранившихся субстратных топонимов в этом регионе большинство — не мансийского происхождения. А. К. Матвеев находит среди них названия, объясняемые из хантыйского языка (р. *Нейва* / истор. *Невья*, *Пышма*, *Сан*, бол. *Сигат* и др.) [Матвеев, 2000]. Таким образом, возможно, на территории Среднего Зауралья жили какие-то древние обско-угорские племена, близкие к хантыйским, а не мансийским. В басс. Тавды, на бывшей территории западно- и южномансийских говоров также есть характерный иноязычный домансийский субстрат, близкий к хантыйскому (ср. оз. *Индра*, р. *Оус* и др.). Если это так, то манси в Среднем Зауралье не были исконным этносом, а пришли с юга и подселились к родственным древнехантыйским племенам, почти полностью ассимилировав или вытеснив их.

Сохранились ли топонимические свидетельства южной прародины манси? Явных фактов пока не найдено. Возможный южный угорский, в том числе и мансийский, субстрат перекрыт мощным пластом тюркской топонимии, в которой с большим трудом вычлняются нетюркские элементы.

Более или менее достоверные топонимы мансийского происхождения на юге не выходят за пределы линии, проводимой в настоящее время от верховьев Сылвы по р. Тагил до нижнего течения Тавды. А. Каннисто в свое время попытался обозначить гнездо мансийских топонимов южнее этой линии, в верхнем течении Уфы (р. *Артя*, *Суя*, *Карзя*) [Kannisto, 1927]. Однако это не очень убедительно, поскольку данные топонимы находят соответствия в тюркских языках, ср. р. *Суя* (башк. *һоя*) от антропонима *һоябикә* [СТБ, 166], р. *Карзя* (башк. *Кәрзе*)

от башк. *кәр* 'корье' с башк. диалектным аффиксом *-з-* [СТБ, 81–82], р. *Артя* от тюрк. диал. *артә* 'серединный' [Там же, 178]. Исторически обрусевшие вогульские поселения упоминаются в басс. р. Бисерть (прав. пр. р. Уфа). Вместе с тем Г. Ф. Миллер в «Особом географическом описании Сибири» приводит в басс. Бисерти только тюркские топонимы [ОГОС, л. 25–29]. Из всех засвидетельствованных на р. Бисерть географических названий лишь название р. *Пут* сопоставляется с манс. *put* 'котел' [Матвеев, 2000, 222–223], но это, скорее всего, случайное совпадение. Интересно в плане поиска древнемансийских топонимических типов название р. *Манчаж* / истор. *Манчаиш* (лев. пр. р. Уфа), ср. формант *-чаиш* 'ручей' и манс. *tāñ* 'маленький' [Munkácsi, Kálmán, 299]. Но это изолированный пример, к тому же основа топонима сопоставляется с мар. *монча* 'баня' [Матвеев, 2000, 177].

Думается, что границу древнемансийской топонимии на юге нельзя замыкать обозначенной выше линией. Она остается открытой, поскольку детальных исследований в этом направлении еще не проводилось.

-
- АВИ — Кирилов И. К. Атлас Всероссийской империи. Л., 1959.
Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997.
Афанасьев А. П. Топонимия Республики Коми : словарь-справочник. Сыктывкар, 1996.
Глинских Г. В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды : дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1972.
Глинских Г. В. Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 109–179.
Глинских Г. В., Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимике. 1 // Вопр. ономастики. Свердловск, 1975. Вып. 10. С. 5–67.
Гусельникова М. Л. К изучению коми-русского взаимодействия на территории Русского Севера по данным топонимии // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 116–121.
Гуя Я. Древнемансийские диалекты // Congressus internationalis fenno-ugristarum habitus 20–24.09.1960. Budapest, 1963. P. 172–175.
Дмитриева Т. Н. Мифы и реальность в топонимических легендах казымских ханты // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 147–153.
Иванова Е. Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.
Кривошекова-Гантман А. С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка // Вопр. лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 19–43.
Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь, 1983.
КРС — Коми-русский словарь / под ред. проф. В. И. Лыткина. М., 1961.
КЭСКЯ — В. И. Лыткин, Е. Н. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
ЛК — ландкарты XVIII в., хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

- Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
- Майданова Л. М.* Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // *Вопр. топониматики.* Свердловск, 1962. Вып. 1. С. 22–32.
- Майданова Л. М., Макарова С. В.* Гидронимический ареал *-им, -ым* в Северном Приуралье // *Вопр. топониматики.* Свердловск, 1965. Вып. 2. С. 3–6.
- Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. (Учен. зап. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Вып. 32).
- Матвеев А. К.* О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // *Учен. зап. / Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького.* Пермь, 1968. № 191 : Тр. Камской археологической экспедиции. Вып. 4. С. 136–146.
- Матвеев А. К.* К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // *Ономастика европейского Севера СССР.* Мурманск, 1982. С. 49–58.
- Матвеев А. К.* Вершины каменного пояса: названия гор Урала. Челябинск, 1990.
- Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области : топонимический словарь. Екатеринбург, 2000.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала : топонимический словарь. Екатеринбург, 2008.
- МРС — *Баландин А. Н., Вахрушева М. П.* Мансийско-русский словарь. Л., 1958.
- ОГОС — *Миллер Г. Ф.* Особенное географическое описание Сибири. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 507. Ч. 1. Д. 4.
- Пакина Е. Э.* К изучению субстратной гидронимии бассейна р. Чусовой // *Топонимия Урала и севера европейской части СССР.* Свердловск, 1985. С. 81–83.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий : в 4 т. СПб., 1893–1911.
- Смирнов О. В.* Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала // *Ономастика и диалектная лексика.* Екатеринбург, 1996. С. 51–74.
- Смирнов О. В.* Русская топонимия северной части Горнозаводского Урала : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.
- Смирнов О. В.* Мансийская топонимия в бассейне р. Чусовая // *Этимологические исследования.* Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 121–141.
- СНТВУ — *Миллер Г. Ф.* Словарь народов Туринского и Верхотурского уездов. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 513. Д. 19.
- ССВЯН — Сравнительные словари всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенные : в 2 т. СПб., 1786–1787.
- СТБ — Словарь топонимов Башкирской АССР / под ред. Т. М. Гарипова, А. А. Камалова (отв. ред.), З. Д. Ураксина. Уфа, 1980.
- Теплоухов А. Ф.* Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народом // *Записки УОЛЕ.* № 39. 1924.
- Туркин А. И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.
- ЧКР — Чертежная книга Семена Ремезова 1701 г. СПб., 1882.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966–1993. Lfg. 1–15.
- Gmelin G.* Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Gottingen, 1752. Th. 4.
- Gulya J.* Egy sajtatos deli vogul hangjeloles kerdesehez // *Kulonlenyomat a nyelvtudomanyi ertekezesekek.* 40. szamabol. Budapest, 1964. P. 121–123.
- Helmersen H.* Reise nach dem Ural und der Kirgisensteppe in den Jahren 1833 und 1835 von Gr. v. Helmersen : ч. 1. СПб., 1841.
- Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus. Der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Kannisto A.* Über die früheren Wohngebiete der wogulen im lichte der ortsnamenforschung // *Finnisch-ugrische Forschungen.* Helsinki, 1927. N. 18. B. 1–3. P. 57–89.
- Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch. Budapest, 1986.

Pallas P. S. Reisen durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. СПб., 1773. Т. 2, ч. 1.
Remesov — The Atlas of Siberia by Semion Remesov. s-Gravenhage, 1958. (Imago Mundi. Suppl. 1).
Steinitz W. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955.

Рукопись поступила в редакцию 28.02.2012 г.

O. V. Smirnov

Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)
ovsmirnov@mail.ru

MANSI SUBSTRATE TOPONYMY ON THE TERRITORY
OF THE FORMER HABITATION OF THE MANSI PEOPLE

Key words: Middle Urals, Mansi substrate toponymy, Ob-Ugric people, habitation area of the Mansi people, history of the Mansi language, history of the Urals.

The article summarizes the results of the study of the Mansi substrate toponymy on the territory of the former habitation of the Mansi people based on the materials collected following Artturi Kannisto's famous works of the first half of the 20th century. The author revises the Mansi toponymy distribution area on the territory of the Urals argued by Kannisto. The article especially focuses on the western border of the area. The mapping of the data revealed in the contemporary Russian toponymy as well as found in historical written sources substantiates the fact that the Mansi people moved to the Middle Urals western slopes from the East relatively late and in insignificant numbers, but did not advance any farther west of the middle course of the Kama river's left tributaries. The analysis of the Middle Urals Mansi substrate toponymy also helps characterize some phonetic particularities of the local Old Mansi dialects.